

На правах рукописи

НЕКРАСОВА ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА

**КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА ИМЕНИ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ**

Специальность 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(финно-угорские и самодийские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Ижевск 2021

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»

Официальные оппоненты: **Мызников Сергей Алексеевич**
доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН,
ФГБУН «Институт славяноведения РАН»,
Центр ареальной лингвистики, главный
научный сотрудник (г. Москва)

Карпова Людмила Леонидовна
доктор филологических наук,
ФГБУН «Удмуртский федеральный
исследовательский центр УрО РАН»,
Институт истории, языка и литературы,
ведущий научный сотрудник (г. Ижевск)

Мосина Наталья Михайловна
доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева», кафедра английского языка
для профессиональной коммуникации,
профессор (г. Саранск)

Ведущая организация: Государственное бюджетное научное учреждение при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева» (г. Йошкар-Ола)

Защита состоится «27» мая 2021 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.275.06 на базе ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 1, ауд. 003.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет». Автореферат размещен на официальных сайтах Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ (vak.minobrnauki.gov.ru) и ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (<http://udsu.ru>)

Автореферат розослан «__» _____ 2021 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
к. филол. н., доцент

О. Б. Стрелкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена комплексному исследованию категории падежа имени существительного в пермских языках, описанию формальных и содержательных характеристик падежей, выявлению их общих свойств и параметров варьирования.

Актуальность исследования. Становление падежных систем пермских языков финно-угорской ветви уральской языковой семьи происходило на протяжении многих столетий под влиянием разных тенденций, имевших место в разные исторические периоды: от прауральского языкового состояния до времени обособленного существования коми-зырянского, коми-пермяцкого и удмуртского языков и их диалектов. Формирование дистинктивных признаков падежных систем последовательно прослеживается при контрастивном исследовании материала каждого из современных языков в их противопоставлении к реконструируемой падежной системе общепермского праязыка. В этой связи весьма актуальным является синхронное изучение внутреннего устройства падежных систем, морфологических и функционально-семантических свойств падежей, взаимодействие категории падежа с другими грамматическими категориями имени существительного. Комплексное описание падежей на синхронном срезе может пролить свет на тенденции исторического развития падежных систем, определить роль типологических, генетических и ареальных факторов в их развитии. Систематизация сходств и различий падежных систем генетически родственных языков приобретает особую актуальность для выявления пространства вариативности и типологических возможностей падежей в рамках как исследуемых языков, так и уральской семьи языков в целом. Сопоставление падежных систем пермских языков дает дополнительный материал для сравнительно-исторических исследований финно-угорских и самодийских языков, а также вносит вклад в типологическое изучение языков мира.

Объектом исследования является категория падежа коми-зырянского, коми-пермяцкого и удмуртского языков, основную часть состава которой в каждом из них составляют падежи, унаследованные от общепермского праязыка.

Предмет исследования — морфологические и функционально-семантические характеристики падежей изучаемых языков, сходства и различия между ними.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые в финно-угорском языкознании осуществлено системное исследование морфологических и функционально-семантических характеристик падежей пермских языков. В сравнительно-сопоставительном аспекте детально описано устройство падежных систем, выявлены и систематизированы типы фонетически и морфологически обусловленных падежных алломорфов, обозначены ареалы их распространения; установлены особенности и факторы варьирования линейной позиции падежных морфем, описаны типы двойного падежного маркирования; детально проанализированы семантическая структура и межязыковые особенности дистрибуции падежных форм и их вариантов. На основе сопоставления падежей по указанным параметрам определены сходства и различия между падежными системами изучаемых языков, выявлены их общие характеристики, а также черты, присущие двум или только одному из родственных языков. Показано, что морфологическое выражение и семантика падежей пермских языков в общих чертах коррелируют с генетической принадлежностью языков, внешним воздействием больше подвержена семантика.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили идеи и концепции по теории падежа, представленные в работах Б. Блейка, А. П. Володина, А. А. Зализняка, Г. А. Золотовой, А. Е. Кибрика, Е. В. Клобукова, Е. А. Лютиковой, И. А. Николаевой, В. А. Плунгяна, М. А. Шелякина, Т. Штольца и др. Кроме того, учитываются опыт и результаты исследований, посвященных изучению падежей, а также проблем, косвенно касающихся развития и функционирования падежей, в финно-угорских и самодийских языках, в частности, труды В. И. Алатырева, Р. Бартенс, Р. М. Баталовой, Р. Бейкера, Д. В. Бубриха, Г. И. Ермушкина, Н. Г. Зайцевой, В. К. Кельмакова, Н. В. Кондратьевой, А. Кюннапа, В. И. Лыткина, К. Е. Майтинской, П. Н. Перевощикова, К. Редди, Б. А. Серебренникова, И. В. Тараканова, Т. И. Тепляшиной, Г. М. Тужарова, Г. В. Федюновой, Д. В. Цыганкина, Е. А. Цыпанова, Ш. Чуча и др.

Материалом исследования послужили аутентичные тексты на коми-зырянском, коми-пермяцком и удмуртском языках из печатных источников и электронных корпусов. Письменные источники включают художественные, диалектные и фольклорные тексты. При исследовании удмуртского и коми-зырянского языков были использованы

электронные корпуса: Национальный корпус коми языка и Корпус удмуртского языка.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении и систематизации сходств и различий в морфологической и функционально-семантической характеристиках падежей пермских языков. В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

1) описать синхронное состояние падежных систем и основные тенденции их формирования в период обособленного развития изучаемых языков;

2) выявить сходства и различия падежных форм, описать морфологические типы падежей и разновидности двойного падежного маркирования в пермских языках;

3) определить особенности взаимодействия падежных морфем с фонетической структурой слова; выявить факторы алломорфного варьирования, типы падежных алломорфов и ареалы распространения сходных явлений в пермских языках;

4) описать особенности взаимодействия грамматических категорий имени существительного в системе субстантивного склонения; установить сходства и различия морфологически обусловленных падежных алломорфов и ареалы распространения сходных явлений в пермских языках;

5) описать семантическую структуру падежей, выявить сходные и специфические особенности падежей в исследуемых языках;

6) определить характерные черты падежных систем пермских языков, которые являются нетипичными для остальных финно-угорских языков.

Методология и научные методы исследования. Исследование грамматической категории падежа генетически родственных языков на синхронном срезе с диахроническими экскурсами, требующее структурно-системного подхода к языковым явлениям, выполнено с использованием комплекса методов сравнительно-исторического, сопоставительно-контрастивного, ареального и типологического направлений современного языкознания. Описание формальных и семантических характеристик падежей, выявление сходств и различий между падежными системами родственных языков проводится с помощью стандартных приемов морфологического и семантического анализа падежей, установления соответствий в сравниваемых языках,

пространственной локализации языковых явлений. При определении тенденций развития падежей, частотности употребления конкурирующих единиц был использован прием количественного анализа. Сбор материала осуществлялся способом частичной и сплошной выборки.

Теоретическая значимость. Проведенное исследование вносит существенный вклад в решение актуальных проблем сравнительно-сопоставительного, сравнительно-исторического и типологического изучения финно-угорских и других языков агглютинативного типа. На примере категории падежа имен существительных пермских языков продемонстрирована необходимость учета функционально-семантических и морфологических параметров, а также продуктивность совмещения методов типологии, сравнительно-сопоставительного анализа, ареальной и контактной лингвистики при анализе грамматических категорий родственных языков как в синхронии, так и в диахронии. Комплексный подход к межъязыковому сопоставлению падежей позволил не только получить общее объемное представление о грамматической категории падежа пермских языков, но и установить основные параметры формирования сложных внутриязыковых систем таких, как регенерация праязыковых состояний и формирование новых явлений по генетическим и типологическим моделям или в результате внешних воздействий, выявить особенности эволюции элементов грамматических систем родственных языков. Результаты исследования падежных систем пермских языков представляют интерес для общетеоретических и типологических исследований агглютинативных языков, в частности, для типологии и теории падежа при определении параметров вариативности и пространства функционально-семантических возможностей падежных единиц, теоретического осмысления проблем, связанных с закономерностями развития падежей.

Практическая значимость. Основные положения работы найдут применение в практике преподавания пермских и других финно-угорских языков в вузах, при чтении основных и специальных курсов по сравнительной и исторической грамматике пермских языков, введению в финно-угроведение и общему языкознанию. Результаты исследования могут быть использованы при составлении научных грамматик и учебной литературы по описательной, сравнительно-исторической морфологии пермских языков, ареальной лингвистике, при составлении типологических баз данных по падежной семантике.

Апробация результатов исследования. Диссертационное исследование является обобщением многолетней работы автора над проблемами падежных систем пермских языков. Материал, методология и результаты работы отражены в публикациях автора объемом более 85 п. л., в том числе в 5 монографиях, 17 статьях в ведущих научных журналах, рекомендованных ВАК РФ, и 7 статьях, индексируемых в международных базах данных SCOPUS и Web of Science. Основные положения исследования были апробированы на более чем 50 международных, всероссийских и региональных научных конференциях и симпозиумах в период с 1985 по 2020 гг. в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Ижевске, Йошкар-Оле, Петрозаводске, Сыктывкаре, Тарту (Эстония), Таллинне (Эстония), Чебоксарах, в том числе на VI (Сыктывкар, 1985), VIII (Ювяскюля, 1995), IX (Тарту, 2000), X (Йошкар-Ола, 2005), XI (Пилишчаба, 2010), XII (Оулу, 2015) Международных конгрессах финно-угроведов. Полученные результаты использованы автором при чтении курсов «Сравнительная грамматика финно-угорских языков», «Историческая грамматика коми языка», «Современный коми язык. Морфология» и спецкурсов «Актуальные проблемы финно-угорских языков», «Падежная система пермских языков» в Сыктывкарском гос. ун-те, нашли отражение в учебном пособии для вузов «Падежная система пермских языков: форма, семантика, происхождение» (Сыктывкар, 2004).

Диссертация обсуждена на заседании сектора языка Института языка, литературы и истории ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Коми НЦ Уральского отделения Российской академии наук» и рекомендована к защите.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Устройство падежных систем современных пермских языков в целом совпадает. Преобладающее большинство падежей имеет общие формальные и содержательные характеристики, восходящие к общепермскому языковому состоянию.

2. Кроме общих черт, падежная система каждого языка имеет свои, только ей присущие черты. Бóльшую близость между собой обнаруживают коми языки, но каждый из них имеет ряд общих черт и с удмуртским языком, причем коми-пермяцкий в бóльшей степени, чем коми-зырянский.

3. Расхождения в падежных системах исследуемых языков объясняются разной степенью сохранности праязыковых особенностей,

инновациями, которые произошли в период их самостоятельного развития.

4. Немаловажную роль в развитии грамматической системы современных пермских языков сыграли одновременные контакты с родственными и неродственными языками, влияние которых сказалось преимущественно на семантику, функции и употребление падежей.

5. В падежных системах пермских языков обнаруживаются как типологически распространенные, так и крайне редкие явления, не свойственные языкам других групп финно-угорской ветви уральской языковой семьи.

Структура работы определена исследовательскими задачами. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списков использованной литературы, содержащего 538 наименований на русском и иностранном языках, источников, сокращений и условных обозначений. Приложение включает карты и таблицы. Общий объем работы составляет 571 страницу.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, характеризуется степень изученности проблемы, формулируются цель и задачи диссертации, дается описание материала и методологии работы, излагаются научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов исследования, основные положения, выносимые на защиту, сообщаются сведения об апробации результатов, описывается структура диссертации. Основное содержание диссертации изложено в четырех главах; каждая завершается краткими выводами.

Первая глава **«Парадигматика категории падежа в пермских языках»** посвящена теоретическим аспектам изучения категории падежа.

В разделе 1.1. **«Теоретические предпосылки изучения категории падежа»** эксплицируется понятийный аппарат исследования, рассматриваются морфологические типы падежей, подходы к описанию семантики падежей.

В диссертации приняты классическая процедура выделения падежей, предложенная А. Н. Колмогоровым, В. А. Успенским и

А. А. Зализняком¹, а также определение понятия *падеж*, сформулированное И. А. Мельчуком и закрепившееся в современной грамматической теории. «Падеж – это грамматическая категория существительного, граммема которой «обязательно выражают пассивные поверхностно-синтаксические роли данного существительного» и которая «содержит по крайней мере две граммемы, которые принадлежат к ядру синтаксической или морфологической системы языка».²

Для межъязыкового сопоставления семантики падежей выбран «полисемический» подход, который позволил выявить общие и отличительные черты семантической структуры падежей исследуемых языков. Для выделения отдельных значений использованы критерии специализации показателя и перекрытия семантики показателей, согласно которым разными значениями падежа следует считать любые два значения, эквиваленты которых имеют разное морфологическое выражение в одном из других языков.³

В разделе 1.2. «Средства выражения падежей в пермских языках» рассмотрены способы выражения и морфологические типы падежей в пермских языках, падежи послеложного образования.

Категория падежа в пермских языках включает более десяти противопоставленных форм. Общепермскими являются номинатив (Ø), аккузатив (кз. кп. *-ös, ø*, удм. *-ез/-эз, -е/-э, -ес/-эс; ø; -ты/-ды* и др.), генитив (кз. кп. *-лön*, удм. *-лэн*), аблатив (кз. *-лысь*, кп. *-лись*, удм. *-лэсь*), датив (кз. удм. *-лы*, кп. *-лö*), инструменталь (кз. кп. *-ön*, удм. *-ен/-эн, -ын*), абессив (кз. кп. *-тöг*, удм. *-тэк*), инессив (кз. кп. удм. *-ын*), иллатив (кз. кп. *-ö*, удм. *-е/-э, -ы*), элатив (кз. удм. *-ысь*, кп. *-ись*), эгрессив (кз. кп. *-сянь*, удм. *-ысен*), пролатив (кз. *-öd, -ti*, кп. *-öt*, удм. *-етii/-этii, -ытii, -тii*), терминатив (кз. кп. *-ödз*, удм. *-озь*), аппроксиматив (кз. кп. удм. *-лань*). Кроме отмеченных падежей, парадигма склонения в коми языках содержит комитатив (кз. *-кöд*, кп. *-кöt*),

¹ Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию / А. А. Зализняк. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 38–42, 613–628.

² Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Том II. Часть вторая. Морфологические значения / И. А. Мельчук. – М.–Вена: Языки русской культуры, 1998. – С. 325.

³ Ганенков Д. С. Типология падежных значений: семантическая зона пролатива / Д. С. Ганенков // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. – М.: Русские словари, 2002. – С. 37; Аркадьев П. М. Типология двухпадежных систем: дис. ... к. филол. н. / П. М. Аркадьев. – М., 2006. – С. 34.

консекутив (-ла) и приблизительно-местные падежи, в коми-пермяцком языке – компаратив (-ся) и альтитерминатив (-ви), в удмуртском языке – адвербиаль (-я).

Состав падежей в диалектах варьируется, что связано с протеканием двух противоположных процессов: свертыванием функционирования и развитием падежных единиц. Первая тенденция обнаруживается в некоторых южных и периферийно-южных удмуртских диалектах, где вышли из употребления адвербиаль, аппроксиматив, наблюдается тенденция к сокращению функционирования терминатива. Вторая характерна для коми-пермяцких и североудмуртских диалектов. В результате морфологизации послелогов развились в коми-пермяцких диалектах: а) поверхностно-местные падежи из послелогов с основой *выв-/выл-*. Полная серия представлена в южных, косинскокамском, кочевском диалектах, отдельные падежи имеются в мысовско-лупьинском диалекте и верхнекамском наречии; б) приблизительно-местные падежи из послелогов с основой *дын-*, формирование которых завершилось в оньковском и в некоторых говорах нижеиньвенского диалекта. В большинстве коми-пермяцких диалектов грамматикализировались только послелогои *дынын* и *дынӧ*.⁴ В среднечепецком и нижнечепецком диалектах удмуртского языка, а также в бесермянском наречии сформировались посессивно-местные падежи из послелогов с основой *дин'*. При морфологизации послелогов произошли следующие изменения: а) синкопа согласного *в* в инлауте послелогов с основой *выл-/выв-*, далее стяжение гласных в южных *в*-овых диалектах (*вылын* 'на (где?)' > *вывын* > *-(в)выын* > *-(в)вын*), отпадение анлаутного согласного, затем следующего за ним гласного в северных диалектах (*вылын* 'на (где?)' > *-ылын* > *-лын*); б) синкопа сегмента *-ын-* в инлауте послелогов с основой *дын-* в оньковском и нижеиньвенском диалектах (*дынын* 'у, около' > *-дын*, *дыныс'* 'от' > *-дыс'*, *дынӧ* 'к' > *-дӧ*). В остальных диалектах при агглютинации послелогов апокопировался сегмент, выражавший значение ориентации: *дынын* 'у, около' > *-дын*, *дынӧ* 'к' > *-дын*; в) отпадение первого слога *ди-* в послелогох с основой *дин'* в удмуртских диалектах (сч. *дин'ын* 'у' > *-н'ын*, *дин'э* 'к' > *-н'э*, *дин'ыс'* 'от' > *-н'ыс'*). Пермские языки демонстрируют, что механизм агглютинации этимологически одного и того

⁴ Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология / Р. М. Баталова. – М.: Наука, 1975. – С. 129–141.

же послелого в родственных языках, даже в диалектах одного и того же языка может различаться, модель фонетической редукции этимологически разных послелогов может совпадать. Изменения допустимы во всех возможных позициях послелогоа.

Термин *послеложные (падежные) форманты*⁵ введен в коми-зырянском языке для обозначения единиц с сегментом *ладор-* в форме местных падежей; в коми-пермяцком языке аналогичные единицы рассматриваются в составе послелогов. Свойства этих служебных единиц, взятые в их целостности, выделяют их на фоне послелогов и падежей. По форме они сближаются с серийными послелогоами, ср. кз. кп. *ладорѳ* ‘в сторону кого-чего-л.’, *ладорын* ‘в (на) стороне чего-л., в направлении чего-л.’, *ладорѳдз* ‘до стороны чего-л.’, *ладорсянь* ‘со стороны чего-л.’, кз. *ладорысь*, кп. *ладорись* ‘со стороны чего-л.’, кз. *ладорті*, *ладорѳд*, кп. *ладорѳт* ‘в стороне чего-л., около чего-л.’, но в отличие от послелогов, не могут оформлять сочиненную группу, не могут замещать местоименные конструкции, ср. *ме дорѳ* → *дорам* ‘ко мне’, но кз. *меладорѳ*⁶, кп. *ме ладорѳ* → **ладорам* ‘в сторону меня’. Такие особенности следует объяснить сохранением компонентом *-ла* свойства «связанности». Суффикс как связанная морфема может существовать только в сочетании с предшествующей ему другой морфемой. В случае *ладор* суффикс *-ла* модифицирует значение не предшествующей морфемы, а значение послелогоа. В синхронии единицы с *ладор* занимают нечеткую позицию на шкале линейно-синтагматического континуума как в коми-зырянском, так и в коми-пермяцком языке.

В литературных языках общепермские падежи сохраняют стандартные свойства падежей, они морфологически и семантически самостоятельны, исключение составляет инструменталь в удмуртском языке для словоформ множественного числа, показатель которого совпадает с показателем инессива (*-ын*). В южных коми-пермяцких диалектах морфологически несамостоятельными являются аблатив и датив. Алломорфы аблатива (ки. ни. *-вис’/-ис’*, оньк. *-лис’/-ис’*) совпадают с показателем элатива (*-ис’*) и с одним из алломорфов суперэлатива (ки. ни. *-вись/-ввись*), алломорфы датива (ки. ни. *-вѳ’/-ѳ*, оньк.

⁵ Кузнецов Н. В. Пространственная семантика местных падежей коми языка (когнитивный анализ). – Тарту, 2012. – С. 178; 181.

⁶ В современном коми-зырянском языке принято слитное написание *ладор(-)* с существительными и местоимениями.

-лӧ/-ӧ) сходны с одним из алломорфов суперлатива (ки. ни. -вӧ/-ввӧ, оньк. -лӧ/-ллӧ) и с суффиксом иллатива (ки. ни. оньк. -ӧ). Слабо дифференцированным является генитив, один из алломорфов (ки. ни. -вӧн/-ӧн, оньк. -лӧн/-ӧн) которого совпадает с показателем инструментала (-ӧн). В коми-язьвинском наречии одинаковы показатели инструментала и инессива простого склонения (-ӧн).

Морфологически несамостоятельные падежи в пермских языках развились из морфологически самостоятельных, причинами явились морфонологические процессы на морфемных стыках (коми-пермяцкие диалекты), сходная рефлексация пракоми гласных фонем *i и *ε в непервых слогах (коми-язьвинское наречие), сохранение вариативной огласовки падежного суффикса (удмуртский язык).

В разделе 1.3. «**Семантическая совмещенность падежных суффиксов**» обсуждается статус семантически близких суффиксов, которые неоднозначно трактуются в коми языкознании. На основе анализа семантики спорных единиц предложено рассматривать суффикс *-ви* как показатель *альтитерминатива* (значение вертикального предела), суффикс *-ными* – как показатель *социатива* (значение совместности), суффикс *-ысьӧдз* – как показатель *эгрессива II* (для удорского диалекта), который противопоставляется эгрессиву I (суффикс *-сянь*) по выражению дальности исходного пространственного ориентира. В современном коми-зырянском языке пролативные суффиксы различаются по форме, ареалу распространения, а также семантически. В литературном коми-зырянском языке суффикс *-ӧд* употребляется в значениях маршрута движения, прохода, сцены и точки приложения, суффикс *-ти* – в значении сцены.

В разделе 1.4. «**Двойное падежное маркирование в пермских языках**» описаны случаи наличия двух различных падежных суффиксов в составе одной словоформы. В пермских языках представлены следующие типы двойного падежного маркирования: 1) *эллиптический* (возник в результате эллипсиса вершины именной группы). Представлен во всех пермских языках, широкое распространение получил в удмуртском языке: удм. *Елабужской ёрослэн одӥг сельсоветэз пыриз Алнаш-лэн-а-з* [Алнаш-GEN-ILL-POSS3.SG] ‘Один сельсовет Елабужского района вошел в Алнашский [район]’; кз. *Менам пасакаӧй вӧлі Македон-лӧн-сянь* [Македон-GEN-EGR] *неылын*. (И. Горопов) ‘Моя пасека была недалеко от пасеки, принадлежащей Македону’; 2) *деривационный*. В коми языках на основе генитивной формы

образуются косвенные падежные формы личных местоимений мн. ч. 1-го и 2-го л., ср. кз. кп. *ми* ‘мы’, *миян* [мы.GEN] ‘наш’, кз. *миян-лысь*, кп. *миян-лись* [мы.GEN-ABL] ‘у нас (взять)’, кз. *миян-лы*, кп. *миян-лө* [мы.GEN-DAT] ‘нам’, кз. кп. *миян-өн* [мы.GEN-INSTR] ‘нами’; 3) *сло-жение суффиксов* (маркирование существительного показателями двух локативных падежей). Типичным примером являются показате-ли приблизительно-местных падежей коми языков, которые сфор-мировались в результате слияния суффикса аппроксиматива и суф-фиксов остальных местных падежей, ср. *керка-лань* ‘в сторону дома’, *керка-ланьысь* ‘со стороны дома’, *керка-ланьын* ‘около дома’ и т. д.; 4) *плеонастический* (сочетание двух падежных суффиксов, дублиру-ющих одно и то же значение). В пермских языках наблюдается: а) двойное морфологическое выражение падежа. В отдельных средин-ных и северных удмуртских говорах в результате одновременного употребления двух различных суффиксов аккузатива с местоимени-ями мн. ч. 1-го и 2-го л. возникли суффиксы *-дыс* < *-ды* + *-ыз* и *-ысты* (*-эсты*) < *-ыз* (-эз) + *-ты*. В коми-зырянском языке зафиксировано маркирование генитивных и дативных форм личных и усили-тельно-личных местоимений ед. ч. 1-го и 2-го л. суффиксами генитива и датива существительных (кз. *менам* [я.GEN] ~ *менам-лөн* [я.GEN-GEN] ‘у меня, мой’, *меным* [я.DAT] ~ *меным-лы* [я.DAT-DAT] ‘мне’); б) двойное выражение семантико-синтаксической функции падежа. В коми-зырянском языке наблюдается сочетание суффиксов элатива и компаратива при выражении сравнительного значения (кз. *вок-ся-ысь* [брат-COMP-EL] *ыджыдджык* ‘старше брата’). В удмуртском языке зафиксировано выражение темпорального значения сочетанием суффиксов датива и терминатива (*жыт-озь-лы* [вечер-TERM-DAT] ‘до вечера’). Результатом двойного падежного маркирования явились: а) формирование новых падежных суффиксов, которые стали показателями новых падежей или вариативным суффиксом уже имеющегося падежа; б) образование вариативной местоименной основы; в) груп-повое оформление именной группы на зависимом.

Во второй главе «**Падежная морфема и факторы ее вариатив-ности**» анализируются морфонологические особенности функциони-рования падежных морфем, описываются правила объединения и со-отношение морфологических единиц в составе субстантивной слово-формы.

В разделе 2.1. «Фонетическая структура слова и падежная морфема» рассматриваются чередования и корреспонденции согласных и гласных фонем, имеющие распространение на падежные суффиксы, алломорфное варьирование падежных морфем, факторы развития алломорфного варьирования.

2.1.1. «Фонетическая структура падежных морфем». Основные разновидности корреспонденций согласных, имеющие распространение на падежные суффиксы в диалектах пермских языков: 1) корреспонденция глухой // звонкий согласный. В коми-пермяцких диалектах в суффиксах *комитатива* и *пролатива* сохраняется этимологический глухой согласный, который озвончился в зырянских диалектах. Суффикс комитатива с глухим согласным представлен в удорском диалекте (-*кõт*). В верхнекамском наречии функционируют вариативные суффиксы -*кõд* ~ -*кõт*, -*õд* ~ -*õт*. В абсолютном большинстве удмуртских диалектов суффиксы аккумулятива и терминатива имеют звонкий согласный; суффикс с глухим согласным зафиксирован в отдельных периферийно-южных говорах, ср. южн. *коркаос-ыз* ~ *коркаос-ъз*, кукм. *коркаос-ъз*, татш. *коркайос-ъс* 'дома'⁷, каз. *čukažejoś* 'дозавтра';⁸ 2) корреспонденция палатальный // велярный согласный. В большинстве коми и удмуртских диалектов пролатив имеет суффикс с велярным согласным. Суффиксы с палатальным согласным появились в ряде южнокоми-пермяцких (оньк. ни. -*õт'*, ки. -*õт* ~ -*õт'*) и севернудмуртских диалектов (нч. -(*ы*)*т'и* ~ -(*э*)*т'и*, сч. -(*ы/ь*)*т'и* ~ -(*й*)*ы/ьт'и*), -(*э*)*т'и* (~ -(*й*)*эт'и* -(*э*)*т'* (~ -(*й*)*эт'*) и др.). В верхнекамском наречии развился суффикс эгрессива с велярным согласным в ауслауте (-*с'эн'* ~ -*с'ан'*); 3) корреспонденция аффриката // целевой согласный. В коми диалектах суффикс терминатива содержит аффрикату, вариативные суффиксы представлены в мысовско-лупьинском диалекте (кп. мл. -*õдз*, -*эдз*, -*дз*, -*õз'*, -*эз'*, -*з'*). В абсолютном большинстве удмуртских диалектов (-*оз'*), а также в верхнекамском наречии (-*õз'*) аффриката в суффиксе терминатива заместилась согласным *з'*. В красноуфимском говоре вариативные суффиксы имеет аблатив

⁷ Пример по: Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография / В. К. Кельмаков. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. – С. 119.

⁸ Пример по: Aminoff T. G. Votjakin äänne-ja muoto-opin luonnos / T. G. Aminoff // JSFOu. – Helsinki, 1896. – Vol. 14/2. – S. 25.

(круф. *-лэч, -лэс'*); 4) корреспонденция аффриката // смычный согласный. В удорском и ижемском диалектах функционируют вариативные суффиксы терминатива с аффрикацией и палатальным смычным согласным: уд. *-öð' ~ -öðз*, иж. *-эд' ~ -эдз*; 5) корреспонденция, обусловленная варьированием согласного *л*. В большинстве коми и удмуртских диалектов суффиксы генитива, датива, аблатива и аппроксиматива содержат согласный *л*. В удмуртских диалектах наблюдается варьирование *л ~ ъ* и *л ~ л*, ср. кузм. канл. *пу-лис'* 'у (от) леса', шошм. *пү-йис'* 'у (от) дерева', татш. *пи-лэн* '(у) сына, (у) парня'⁹; 6) корреспонденция щелевых согласных *з // ж* и *с' // с''*, *з' // з''*. В красноуфимском говоре в результате замены свистящих согласных *з* и *с* шипящими *ж* и *ш*, а также шепелявых (*с'* и *з'*) свистящими (*с''* и *з''*) произошли изменения в суффиксах аккузатива (*-эж*), эгрессива (*-с''эн*) и терминатива (*-оз''*).¹⁰

Причины развития корреспонденций согласных фонем: а) озвончение этимологического глухого согласного; б) деаффрикация; в) палатализация/веляризация согласного; д) влияние на исследуемые языки контактных языков.

В коми диалектах корреспонденции и чередования гласных распространяются на все типы падежных суффиксов. Регулярными являются: а) корреспонденция гласных *ö // э // ө* (< пракоми **ε*), распространяющаяся на суффиксы генитива, инструменталю, аккузатива, комитатива, абессива, иллатива, пролатива, терминатива, и корреспонденция гласных *и // ы // ө* (< пракоми **i*), распространяющаяся на суффиксы аблатива, инессива, элатива. В большинстве диалектов падежные форманты имеют *-ö-овую* и *-ы-овую* огласовки. Суффиксы в *ө-овой* огласовке выступают в коми-язьвинском наречии, в огласовке *э* – в ижемском диалекте. Суффиксы в огласовках *э* и *и* характерны для верхневычегодского диалекта. Показатели элатива и аблатива имеют огласовку *и* в коми-пермяцких диалектах; в удорском диалекте встречаются варианты с гласными *ы* и *и*. В нижневычегодских говорах функционируют падежные алломорфы с гласными *ö/э, и/ы*.

⁹ Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. – С. 96–100, 120.

¹⁰ Насибуллин Р. Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов / Р. Ш. Насибуллин // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: сб. ст. и материалов / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1978. – С. 97.

В удмуртском языке вариативные суффиксы, различающиеся гласными *э* и *ы*, имеют аккузатив (-*ез/-эз*, -*ыз*), инструменталь (-*ен/-эн*, -*ын*), иллатив (-*е/-э*, -*ы*), пролатив (-*етii/-этii*, -*ытii*). Корреспонденция гласных *ы* // *и* распространяется на суффиксы элатива (сев. сред. -*ыс'*, -*ьс'*, южн. -*ис'*, бес. -*ьс'*, -*ис'*) и эгрессива (сев. сред. -*ыс'эн*, -*ьс'эн*, южн. -*ис'эн*, бес. -*ьс'эн*, -*ис'эн*), корреспонденция гласных *э* // *и* – на суффикс аблатива (удм. лит. -*лэс'*, канл. кукм. шошм. -*лис'*, бес. -*лис'*, -*льс'*, бавл. -*лис'*, -*лэс'*).

Развитие корреспондентий и чередований гласных фонем в структуре падежных суффиксов обусловлено: а) различной рефлексацией прапермских (пракоми, праудмуртских) гласных; б) рефлексамии различной огласовки прапермских суффиксов; в) ассимилятивным влиянием палатальных согласных в пределах морфемы; г) морфологизацией одного из алломорфов падежа (генитив, аблатив, датив); д) морфонологическими явлениями на стыке морфем.

2.1.2. «Фонетические факторы и выбор падежного алломорфа». В удмуртском литературном языке, а также в коми и удмуртских диалектах падежная морфема может иметь по меньшей мере два алломорфа, появление которых обусловлено структурой склоняемой основы.

1. Параметр «вокалический/консонантный ауслат основы» лежит в основе появления следующих типов алломорфов:

1) алломорфы со структурой VC¹¹ ~ C; VCV(C) ~ CV(C) имеют инессив, элатив, аккузатив, инструменталь, пролатив, иллатив в ряде северокоми-пермяцких (косинско-камском, мысовско-лупьинском) и коми-зырянских (верхневычегодском (*л-овые*, *в-л-овые* и смешанные говоры, а также говоры сс. Дон и Усть-Нем), лузско-летском (говоры сс. Объячево, Прокопьевка)) диалектов, в коми-язьвинском и верхнекамском наречиях: кз. кп. *вöр-ын* 'в лесу', вв. лл. *ва-н* 'в воде', вв. *вичко-н* 'в церкви', вк. *крушка-н* 'в кружке', кк. *пэрма-н* 'на ферме', кя. *көти-н* 'в котах'. В удмуртском языке алломорфы инессива, элатива и эгрессива, начинающиеся на согласный, и нулевой алломорф иллатива появляются только в сочетании с единичными существительными, оканчивающимися на *а* (*корка* 'дом, изба', *куа*, *куала* 'святимище; летняя кухня', *кунокуа* 'гостиница', *гидкуа* 'двор, дворовые

¹¹ C – согласный, V – гласный.

постройки'): *гурт-э* 'в деревню', *корка* 'в дом', *школа-е* 'в школу'; *гурт-ын* 'в деревне', *корка-н* 'в доме', *школа-ын* 'в школе';

2) алломорфы со структурой CVC ~ VC имеют: а) генитив (-*вөн* ~ -*өн*), датив (-*вө* ~ -*ө*), аблатив (-*вис'* ~ -*ис'*), аппроксиматив (-*ван'* ~ -*ан'*) в нижеиньвенском, кудымкарско-иньвенском диалектах: ни. ки. *кага-өн* '(у) ребенка', *д'эд-вөн* '(у) деда'; б) генитив, датив, аблатив в некоторых средневосточных удмуртских говорах: *ара-(еп* (удм. лит. *апай-лэн*) '(у) старшей сестры';¹²

3) алломорфы со структурой VC ~ jVC имеют в удмуртском языке аккузатив (-*эз* ~ -*ез*), инструменталь (-*эн* ~ -*ен*), иллатив (-*э* ~ -*е*), пролатив (-*эти* ~ -*етий*): *гурт-эн* 'деревней', *пуны-ен* 'с собакой';

4) алломорфы со структурой CCVC ~ CVC имеют поверхно-местные падежи в южных пермяцких диалектах, ср. ни. ки. *ки-ввын* 'на руках', *көз-вын* 'на ели'; оньк. нерд. *пу-ллын* 'на дереве', *кок-лын* 'на ногах';

5) алломорфы со структурой C₁VC ~ C₂VC имеют: а) альтитерминатив в оньковском диалекте: *кос-ви* 'до пояса', *тиёка-ли* 'до щеки'; б) аблатив, генитив, датив в шошминском и буйско-таньпском говорах удмуртского языка, ср. датив: лит. *турын-лы*, шошм. *т^vръм-ны* 'траве', 'за сеном'.¹³

2. Параметр «качество согласного и гласного ауслота основы» регулирует употребление алломорфов, различающихся гласными *э* ~ *ө* и *ы* ~ *и* в анлауте, в ряде коми-зырянских диалектов: нв. *горт-ын* 'дома', *кол'-ин* 'в шишке', *ва-ын* 'в воде', *би-ин* 'в огне', *н'ан'-эн* 'с хлебом', *ма-өн* 'с медом'.

3. Качество гласного предшествующего слога. В некоторых коми-зырянских (верхневычегодском, печорском, ижемском, средне-сысольском) диалектах, спорадически в верхнекамском наречии падежный показатель со структурой V(C) имеет два и более алломорфа, которые различаются качеством гласного, ср. инессив: вв. *с'эл'по-он* 'в сельпо', *му-ун* 'на земле', *кэрка-ан* 'в доме', *би-ин* 'в огне', *вөр-ын* 'в лесу'.

¹² Пример по: Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. – С. 98.

¹³ Там же. С. 121.

4. Дистантная ассимиляция, или гармония, представлена в татышлинском говоре удмуртского языка, где в зависимости от велярной/велярно-палатальной огласовки предшествующего слога сформировались два варианта суффиксов, ср. *-ьн /-ьн*: *гур-ьн* ‘в печи’, *кўр-ьн* ‘в лубке’.¹⁴

В разделе 2.2. «**Морфологическая структура слова и падежная морфема в пермских языках**» описывается взаимодействие категорий падежа, числа и посессивности (лично-притяжательности) в системе субстантивного склонения.

«**Взаимодействие категорий падежа и числа**» в линейной модели субстантивной словоформы нерелевантно для коми языков, в парадигме обоих чисел падежи имеют одни и те же суффиксы. Исключение составляет accusativ в удорском диалекте (ед. ч. *-õс, -сõ*, мн. ч. *-сõ, -тõ, -дõ*). В удмуртском языке характерная для парадигмы единственного числа вариативность показателей инструменталя (ед. ч. *-эн / -ен, -ын*, мн. ч. *-ын*), иллотива (ед. ч. *-э/-е, -ы*, мн. ч. *-ы*) и пролатива (ед. ч. *-этй/-етй, -ытй, -тй*, мн. ч. *-тй*) в парадигме множественного числа утрачивается; в обоих числовых парадигмах вариативные формы сохраняет accusativ (ед. ч. *-э, -эз*, мн. ч. *-ыз, -ты*).

В подразделе «**Взаимодействие категорий падежа и посессивности**» рассматриваются позиция падежного суффикса в линейной модели субстантивной словоформы, алломорфное варьирование суффиксов и количественный состав парадигмы посессивного склонения.

В пермских языках суффиксы большинства падежей имеют устойчивую позицию в линейной модели словоформы. Для объектных падежей характерна комбинация $RxSx$ ¹⁵, для большинства пространственных падежей и инструменталя – комбинация $SxRx$. В истории удмуртского языка было зафиксировано варьирование позиции показателей *аппроксиматива, пролатива, терминатива, адвербиала*, в современном языке не устойчива позиция суффикса *адвербиала*. В коми-пермяцких диалектах наблюдается разный порядок следования суф-

¹⁴ Пример по: Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. – С. 73.

¹⁵ Sx – падеж, Rx – посессивность. Глосса, обозначающая определенную категорию, одновременно обозначает позицию, которую занимает репрезентирующий морфему со значением данной категории морфологический сегмент относительно другого сегмента

фиксов *аппроксиматива, пролатива, терминатива, эгрессива* и *абессива*, в коми-зырянских диалектах – *аппроксиматива, эгрессива, абессива, консекутива*, зафиксированы единичные случаи изменения позиции суффиксов *инессива, иллатива, элатива* и *инструменталья*. В линейной модели словоформы показатель падежа может иметь: 1) *фиксированную* позицию: комбинация RxCx или CxRx, изменение порядка следования суффиксов невозможно; 2) *свободную* позицию, Rx и Cx могут меняться местами друг относительно друга: комбинации RxCx ~ CxRx; 3) *смешанную* позицию: в зависимости от лица или числа Rx позиция падежного показателя фиксированная или свободная. Выбор позиции Cx и Rx в коми языках не подчиняется строгим правилам, но может регулироваться следующими факторами: а) формой Rx: из числа вариативных суффиксов 1-го л. ед. ч. исторически более ранний располагается после Cx; остальные варианты – перед Cx, ср. аппроксиматив: вв. *-эй-лан' ~ -лан'-им*; кк. *-ё-лан' ~ -лан'а-м*; эгрессив: скр. *-ёй-с'ан' ~ -сан'-ым*, кк. *-ё-с'ан' ~ -сан'а-м*; б) наличием/отсутствием в словоформе показателя множественности. Суффикс множественности в аддитивном значении предшествует Cx и Rx, при выражении ассоциативной множественности отмечены две комбинации – PLRx и RxPL. Изменение позиции Rx относительно PL отражается на позицию Cx, который всегда занимает крайне правую позицию, ср. *Мам-ё-яс-ё* [мать-POSS.1SG-PL-ILL] *косья ветлыны* ‘Я хочу сходить к родителям’; в) лексико-грамматическими свойствами имени (одушевленность/неодушевленность). С одушевленными существительными Rx предшествует Cx, с неодушевленными существительными Rx располагается после Cx, ср. иж. *мам-э-лан'* ‘в сторону моей матери’, *кэрка-лан'-э* ‘в сторону моего дома’, *мам-э-с'ан'* ‘от моей матери’, *кэрка-с'ан'-э* ‘от моего дома’.

В пермских языках отдельные падежи имеют обусловленные посессивностью алломорфы, которые появляются в случае их предшествования посессивному суффиксу. Сходства в образовании обнаруживают: а) алломорфы *инессива (-а-), иллатива (-а-), аккузатива* (кз. кп. *-ё, -ёс*, удм. *-э, -эс*) во всех пермских языках; б) алломорфы *инструменталья* (кз. кп. *-на-*), *элатива* (кз. *-сьы-*, кп. *-си-*), *абессива* (кз. кп. *-тёг-*, кк. вс. уд. *-тёгйа-*) в коми языках; в) алломорф *аппроксиматива (-лания-)* в коми-пермяцком и удмуртском языках. Различия проявляют: а) алломорфы *элатива (-ысьты-, -сьты-), эгрессива (-ысены-, -сены-), инструменталья (-эны-, -ыны-), терминатива*

(-озя-) удмуртского языка; б) алломорфы *эгрессива* (-сяня-, -сяни-), *пролатива* (-ötтя-, öтти-) и *терминатива* (кп. -ödзза-, -ödззи-) коми-пермяцкого языка. Формирование морфологически обусловленных алломорфов началось в период прапермского языка.

В парадигме посессивного склонения пермских языков сохраняется противопоставление падежей, за исключением инессива и иллатива, показатели которых совпадают.

Третья и четвертая главы посвящены рассмотрению функционально-семантической характеристики падежей. Определены межязыковые сходства и различия падежей в семантическом аспекте, тенденции эволюции падежной семантики.

В третьей главе «**Семантическая структура субъектно-объектных падежей**» описана семантика номинатива, генитива, аблатива, датива, абессива, инструменталю, комитатива, консекүтива, компаратива и адвербиалю.

Семантика, функции и употребление номинатива, аккумулятива, генитива в пермских языках в целом совпадают, значительно различаются функционально-семантические характеристики аблатива, датива, инструменталю, абессива.

Номинатив употребляется в функции грамматического подлежащего, атрибүта, именного сказуемого. В пермских языках номинативный атрибүт конкурирует с генитивным, в отличие от которого он не принимает показателей числа и посессивности (кз. кп. *мельник ныв*, удм. *мельник ныл* 'дочь мельника', кз. *сьыланкывъ-яс-ыс-лөн кывъ-яс-ыс*, удм. *кырзанъ-ёс-ыз-лэн кыль-ёс-ыз* 'слова песен'). В коми языках наметилась тенденция к распределению контекстов употребления между номинативной и инструментальной форм именного сказуемого (кз. *Мишаыс бур батъ* 'Миша хороший отец'; *Миша бур батъ* (~ *батъ-ён*) *вöлі* 'Миша был хорошим отцом'; *Миша бур батъ-ён* (~ *батъ*) *лоас* 'Миша будет хорошим отцом').

Аккумулятив имеет типологически распространенные значения и употребление. В пермских языках различна стратегия выбора морфологической формы имени в позиции прямого дополнения: в качестве доминирующего фактора выступают определенность в удмуртском языке (удм. *кöс турын-эз мажсаны*, кз. *кос турун куртны*, кп. *кöс турун куртны* 'грести сухое сено'), одушевленность – в коми языках (кз. *ме адззылі виль машина*, *мича ныл-ёс*; кп. *ме адззылі виль ма-*

шина, *мича ныл-ӧс* ‘я видел новую машину, красивую девушку’). Аккузатив проявляет конкуренцию с некоторыми косвенными падежами и послелогом кз. *йлылысь*, удм. *сярысь* ‘о’, в частности, в пермских языках наблюдается конкуренция между аккузативом и послелогом при глаголах речи (удм. *адӱемез сярысь* (~ *адӱемзэ*) *вераны* ‘рассказать об увиденном’; кз. *тывьӱлӧм йлылысь* (~ *тывьӱлӧмсӧ*) *висътавны* ‘рассказать о ловле рыбы сетями’); в коми-зырянском языке при выражении темпорального значения возможно употребление аккузатива, инструментalia и инессива (кз. *Рытнас* (~ *рытын~ рытсӧ*) *пач ломтылам* ‘Вечером топим печь’), в удмуртском языке представлено варьирование аккузатива, аблатива и элатива при глаголах созидания (удм. сч. *ыж гонлэс*’, *вал гонэз лэс’тылызы*. ‘Из овечьей шерсти, из лошадиной шерсти катали [мячик]’,¹⁶ *сюйысь лэсьтэм шудон* ‘игрушка из глины’).

Генитив употребляется при выражении посессивных и субъектных значений. В коми языках субъектный генитив конкурирует с дативом при модальных и рефлексивных глаголах (кз. *Васялӧн* (~ *Васялы*) *колӧ тэрмасьны*, кп. *Васялӧн* (~ *Васялӧ*) *колӧ тэрмасьны*. ‘Васе надо торопиться’, *Васялӧн* (~ *Васялы*) *эз узьсьы*, кп. *Васялӧн* (~ *Васялӧ*) *эз узьсьы* ‘Васе не спалось’), с номинативом при глаголах с эвиденциальным значением (кз. *Васялӧн* (~ *Вася*) *нӧбӧма машина* ‘Вася купил машину’).

В удмуртском языке **аблатив** имеет значения, которые в коми языках передаются элативом (при выражении значений материала, исходной ситуации, нежелательного участника ситуации/нежелательной ситуации; стандарта сравнения, причины), эгрессивом (при выражении значений исходной точки отсчета в пространстве, причины) и компаративом (при выражении значения стандарта сравнения). Общепермскими в синхронии являются значения исходного посессора, источника информации и посессивное. В коми языках под русским влиянием возникло дифференцированное маркирование значений исходного посессора и источника информации в зависимости от активности/пассивности субъекта действия (удм. *анайлэсь юаны*, кз. кп. *мамлысь юавны* ‘спросить у матери’, удм. *анайлэсь кылыны*, кз. кп. *мамсянь кывны* ‘услышать от матери’).

¹⁶ Пример по: Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка. Образцы текстов / Л. Л. Карпова; РАН, УрО, Удм. ин-т истории, яз. и лит. – Ижевск, 2005. – С. 104.

Датив имеет типологически стандартные для подобных падежей значения (обозначение реципиента, адресата, бенефактива, объекта сопоставления, значения каузируемого субъекта, предназначения, заинтересованного лица, посессивности, объекта соответствия/несоответствия, стимула эмоций, субъектные значения). Кроме того, в удмуртском языке он реализует ряд значений, которые в коми языках выражаются аппроксимативом (удм. *универсиадалэн тылыз Казаньлы матэктэ* (Удмурт дунне, 2013.06.06) ‘огонь универсиады приближается к Казани’), консекутивом (удм. *вулы мыныны* ‘идти за водой’), иллативом (удм. *озьы тодосчи пӧрме писательлы*. ‘так ученый превращается в писателя’), послелогоми кз. *кежлӧ*, кз. кп. *кежӧ* ‘к, на’ (удм. *кык нуналлы вуыны*, кз. *кык лун кежлӧ воыны* ‘на два дня прийти (приехать)’). Значительная часть специфических значений датива удмуртского языка в коми языках передается послелогом *вылӧ* ‘на’, что можно объяснить влиянием русского языка на коми (удм. *кык муртлы комната*, кз. *кык морт вылӧ комната* ‘комната на двух человек’; удм. *дас манетлы басьтыны*, кз. *дас шайт вылӧ ньӧбны* ‘купить на десять рублей’; удм. *пальтолы материал*, кз. *пальто вылӧ материал* ‘материал на пальто’ и др.). Вместе с тем датив удмуртского языка имеет семантические параллели в языках Волжско-Камского региона (тат. *өч көнгә китте* ‘ушел на три дня’, *ипигә китте* ‘ушел за хлебом’, *ун сумага сатып алырга* ‘купить на десять рублей’; мр. *ик тылзылан отпуск* ‘отпуск на один месяц’, *вӱдлан каяш* ‘пойти за водой’, *лу тенгелан налаш* ‘купить на десять рублей’ и др.). Сохранению некоторых дистрибутивных свойств и семантических особенностей прапермского датива в удмуртском языке способствовали, скорее всего, контакты с географически смежными языками.

В ряде коми-зырянских и севернопермских диалектов дативная словоформа может выступать в позиции подлежащего и прямого дополнения (иж. *Тамаралы кучас вэлэтчыны*. ‘Тамара будет учиться’; *Иванлы вайисны государ дорэ*. ‘Ивана привели к государю’.¹⁷ В зырянских диалектах выбор оформления именной группы регулируется двумя факторами – коммуникативным членением предложения и референциальным статусом.

¹⁷Примеры по: Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка / М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. – С. 46–47.

Абессив, кроме каритивного значения, употребляется при выражении значений меры полноты и времени. В коми-зырянском языке он может указывать на отсутствие минимально возможной единицы состава объекта, актуализируется полнота (*Меным мынтисны көпейкатӧг ставсӧ*. ‘Мне выплатили все до единой копейки’), в удмуртском языке – на недостающую до полной меры единицу состава объекта, актуализируется неполнота (*вить көпейкатэк ньыль манет* ‘четыре рубля без пяти копеек’). В конструкциях с отрицательными глаголами абессив в удмуртском языке выражает значение конечной границы темпорального ориентира (*Жӥт вить-куать частэк доре уз вуэ*. (Удмурт дунне, 2010.06.18) ‘Вечером раньше пяти-шести часов домой не придут’), в коми-зырянском языке – срок, период времени, полностью совпадающий с осуществлением действия (*куим лунтӧг ог во* ‘затри дня (‘без трех дней’) не дойду’).

В пермских языках абессивная именная группа в предикативной, депиктивной и атрибутивной позициях может конкурировать с каритивным прилагательным (кз. *Вася батътӧг (~ батътӧм) коли*, удм. *Вася атайтэк (~ атайтэм) кылиз* ‘Вася остался без отца’, кз. *Вася сулаліс шапкатӧг (~ шапкатӧм)* ‘Вася стоял без шапки’; кз. лит. *битӧм ӧшиньяс*, уд. *битӧг ӧшиньяс* ‘окна без света’).

Инструменталь в пермских языках совмещает функции, которые находятся в полюсах комитативно-инструментального континуума. В его семантической эволюции можно выделить две линии: дифференциацию функций инструменталей и инессива, падежей, имеющих этимологически общий источник – локатив с суффиксом **-na/*-nä*, и дифференциацию семантически связанных языковых единиц в коми языках – комитатива и инструменталей.

ИINESSИВ и инструменталь в коми языках морфологически и семантически самостоятельны, в удмуртском языке дифференциация их морфологического выражения до конца не завершилась.

При описании всех типов комитативных ситуаций в удмуртском языке употребляется инструменталь, в коми языках наблюдается конкуренция инструменталей и комитатива. Выбор падежа для описания комитативной ситуации определяется двумя факторами: одушевленность /неодушевленность и активность/пассивность соучастника дей-

ствия. Инструменталь используется в конструкциях пассивного комитатива¹⁸ (один из участников ситуации полностью контролирует другого участника) и конфективных конструкциях (один из участников перемещает другого или просто владеет им). Комитатив в конструкциях пассивного комитатива указывает на большую автономность соучастника ситуации, инструменталь – на его полную подчиненность, на понижение активности (кз. *Маша локтіс ёрт-ыс-көд* [друг-POSS3.SG-COM], *кага-на-с* [ребенок-INSTR-POSS3.SG] *да понй-өн* [собака-INSTR] ‘Маша пришла с другом, ребенком и с собакой’). В коми-пермяцком языке инструменталь спорадически употребляется в совместных конструкциях (оба участника активно участвуют в ситуации) (кп. *инька ныввез-на-с* (~ *ныввез-ыс-көт*) *горт гөгбрас уджалө* ‘женщина со своими дочерьми домашнюю работу выполняет’), а также при выражении социативного признака (кп. *яйөн банка* ‘банка с мясом’), проявляя тем самым семантическое сходство с инструменталем удмуртского языка (удм. *зубиен перепеч* ‘перепечи с грибами’).

Устойчивому сохранению комитативного значения инструменталь в удмуртском языке способствует выражение одним маркером комитативного и инструментального значений в татарском (последлог *белән* ‘с, вместе с, посредством, по’) и марийском языках (последлог *дене* ‘у, около, с’). Тюркским влиянием обусловлено морфологическое оформление компонентов сочиненной именной группы: *кышноен картэн* ‘муж с женой’, *Машаен Васяен вуизы* ‘Маша и Вася приехали’, а также сохранение/развитие тех значений, которые не имеет (значения материала, времени) или крайне редко (значение причины) реализует инструменталь в современных коми языках. Под влиянием русского языка в коми языках наметилась тенденция к снижению употребительности инструменталь и его замена последлогом *вылын* ‘на’ в значениях средства (кз. *сёрнитны коми кывйөн* ~ *коми кыв вылын* ‘говорить на коми языке’, *исласьны лызьён* ~ *лызь вылын* ‘кататься на лыжах’, *газён* ~ *газ вылын уджалө* ‘работает на газе’), иллативом в значении объекта одевания (*Веж паськөмён* (~ *паськөмө*) *вөччасны пуяс*.

¹⁸ Семантические типы комитативных конструкций выделены по: Stolz T., Stroll C., Urdze A. On Comitatives and Related Categories: A Typological Study with Special Focus on the Languages of Europe / T. Stolz, C. Stroll, A. Urdze. – Berlin: Walter de Gruyter, 2006. – p. 41–43.

‘В зеленые одежды облачатся деревья’), а также развитие пространственного значения (кз. *мунны вөрөн* ‘идти лесом’) и сказуемого с инструментальным предикативным (кз. *Вася лоис бригадирён*. ‘Вася стал бригадиром’).

Комитатив употребляется в совместных (кз. *Вася вөрәліс Колякөд* ‘Вася охотился с Колей’), реципрокальных (кз. *Коля паныдасис Васякөд* ‘Коля встретился с Васей’) и активного комитатива конструкций (кз. *Вася локтіс пиыскөд* ‘Вася пришел с сыном’).

Консекутив в значении цели употребляется в зырянских и северных коми-пермяцких диалектах (кз. кп. *мунны вала* ‘идти за водой’), в значении причины действия – в коми-зырянских диалектах (кз. *көдыдысла эз велөдны* ‘из-за мороза не учили’).

Компаратив выражает значение стандарта сравнения в конструкциях сравнения неравенства в коми-пермяцких и южных коми-зырянских диалектах: кп. *ош көинся ёнжык* ‘медведь сильнее волка’. В верхнесольском, коми-пермяцких диалектах и лузских говорах он используется также для выражения значения исключения (кз. *вася нем эз вөв* ‘кроме воды, ничего не было’) и добавления (кп. *Миянся нюрәс вөлі эиө өтік морт* ‘Кроме нас на болоте был еще один человек’) участника ситуации, который выделяется на фоне других участников.

Адвербиаль имеет характерные для пролативных показателей значения: координатива (*планья* ‘по плану’), признака (*жуч кылья но литературая дышетісь* ‘учитель по русскому языку и литературе’), инструмента (*телефонья жингыртыны* ‘звонить по телефону’) и др.

Большинство объектных падежей (генитив, датив, аблатива инструменталь, абессив, адвербиаль) восходят к пространственным. Диахронически исходное значение спорадически сохраняют аблатив и датив в удмуртском языке (удм. *городлэсь кыдёкын* ‘далеко от города’). В коми-зырянском языке в пространственном значении аблатив функционировал, по крайней мере, еще XIV–XV вв. (кз. *матыдсылыс* (Тр.) ‘недалеко от него’). Датив в пространственно-посессивном значении представлен в отдельных коми-зырянских диалектах (кз. лл. *Мортлө* (скр. *морт ордө*) *он пустө киён мун*. ‘К человеку с пустыми руками не пойдешь’). Пространственное значение адвербиали почти полностью утрачено, сохраняются контексты, в которых траектория движения описывается метафорически (*Районья та сельсовет «дано» куинетій интыын мынэ*. (Удмурт дунне, 2012.06.08) ‘Этот сельсовет по району идет на почетном третьем месте’). Консекутив

имеет характерное для лативных показателей значение цели, компаратив – характерное для аблативно-элативных показателей значение стандарта сравнения, генитив – характерное для локативных падежей посессивное значение. В основе семантической эволюции абессива лежит каритивное значение, которое он унаследовал от словообразовательного суффикса ур. *-*tt*. Современные показатели аккузатива, кроме кз. кп. -*õ*, удм. -*э*, развились из посессивных суффиксов 2-го и 3-го лица ед. ч. В формировании показателя комитатива участвовал, скорее всего, элемент с комитативным значением, этимологически тождественный с показателем марийского комитатива. Одним из факторов развития семантики и употребления субъектно-объектных падежей в коми языках послужила категория одушевленности. Одушевленность влияет на выбор морфологической формы имени в позиции прямого дополнения, а также сужает функционально-семантические возможности генитива, датива, аблатива, комитатива.

В четвертой главе «**Семантическая структура пространственных падежей**» подробно описана семантика общепермских (иллатива, инессива, элатива, пролатива, эгрессива, аппроксиматива, терминатива), общекоми (приблизительно-местных) падежей и альтитерминатива.

В современных пермских языках пространственные падежи обнаруживают сходства в выражении пространственных и пространственно-метафорических значений, которые развились по типологическим моделям. Функционально-семантические характеристики терминатива, пролатива, инессива, иллатива в пермских языках в целом совпадают. Значительные расхождения между языками по количеству выражаемых значений обнаруживают элатив, эгрессив, аппроксиматив, семантическая структура которых более развита в коми языках.

Инессив в современных пермских языках обнаруживает некоторую тенденцию к снижению функциональной нагрузки. В предикативной (эссивной) функции он заменяется инструменталем в коми языках (*Вася бригадирын* (~ *бригадирõн*) *вõлі* ‘Вася был бригадиром’) и послелогом *луыса* в удмуртском языке (*Со директорын* (~ *директор луыса*) *ужаз* ‘Он работает директором’). В коми языках инессив при выражении ряда пространственно-метафорических значений активно вытесняется послелогоми (удм. *экзаменын*, кз. кп. *экзамен вылын* ‘на экзамене’; кз. кп. удм. *кызь гектарын*, кз. кп. *кызь гектар вылын* ‘на двадцати гектарах’; удм. *Ижлэсь 20 иськемын*, кз. *Ижкарсянь 20 километра сайын*,

кп. *Ижевсксянь 20 километр ылнаын* ‘в двадцати километрах от Ижевска’). Некоторые значения инессива, характерные только для коми-зырянского языка, находят параллели в севернорусских говорах (кз. уд. *Йуыс'ын дас кык шайт*. ‘У пьяницы (‘в пьянице’) [находится] двенадцать рублей’, севрус. (Арх.) *В тебе есть должок*.¹⁹) и в прибалтийско-финских языках (кз. вв. *Бат'э кэрийн уджалэ*. ‘Мой отец работает на лесозаготовках (‘в бревне’)’, ф. *Me olemme marjassa*. ‘Мы собираем ягоды’).

Иллатив, как и инессив, при выражении отдельных значений конкурирует с послелогоми, в некоторых случаях заметно уступая им в частотности употребления, что особенно характерно для коми языков (кз. *сӧбранныӧ вылӧ мунны*, кп. *собраннѣ вылӧ мунны*, удм. *собрание мыныны* ‘идти на собрание’; кз. *силосӧ ~ силос вылӧ кӧдзны*, кп. *силос вылӧ кӧдзны* ‘посеять на силос’; кз. *ӧдзӧс вугйӧ кутчысьны*, кп. *ыбӧс вуг бердӧ кутчысьны*, удм. *вугы борды кутскыны* ‘взяться за ручку двери’). Иллатив в значении цели действия, зафиксированный в ряде коми-зырянских диалектов, находит прямые параллели как в прибалтийско-финских и мордовских языках, так и в севернорусских говорах, ср. кз. уд. *Пувйӧ мунны*. ‘Идти собирать бруснику’, ф. *Me lähdemme tarjaan*. ‘Мы идем собирать ягоды’; севрус. (Холм. Пек.) *Я ходил в ягоды*²⁰.

Элатив в пермских языках проявляет активную конкуренцию с падежами, показатели которых содержат компонент *-сь*: с эгрессивом и аблативом. В коми-зырянском языке зафиксировано параллельное употребление элатива и эгрессива при выражении значений причины (в южных диалектах), исходной границы пространственного ориентира, исходной точки отсчета расстояния, исходной точки отсчета времени. В коми-пермяцком языке наблюдается варьирование: а) элатива и эгрессива при выражении значений нежелательного участника ситуации/нежелательной ситуации, причины; б) элатива, эгрессива и компаратива при выражении сравнительных отношений; в) элатива, эгрессива и аблатива при выражении значения стимула эмоций. В удмуртском языке элатив находится в отношении варьирования: а) с аб-

¹⁹ Словарь русских народных говоров. Вып 4. В – военки. – Л.: Наука; Ленингр. отд-е, 1968. – С. 6.

²⁰ Там же. С. 6.

лативом при выражении значения материала, б) с эгрессивом при выражении значений исходной границы пространственного ориентира, исходной точки отсчета расстояния и исходного количества. Внутри- и межъязыковая вариативность элатива, эгрессива, аблатива и компаратива позволяет предположить о сосуществовании и конкуренции в прапермском языке падежей элативно-аблативного характера, которые могли развить сходные непространственные значения.

В семантической эволюции **эгрессива** просматриваются две линии: развитие на основе элативного параметра и развитие на основе элативно-эссивного параметра. На основе элативного параметра развились общепермские значения падежа (значения исходный пункт движения, исходная точка отсчета, исходный темпоральный ориентир, исходное состояние участника), а также значения, свойственные эгрессиву только коми-пермяцкого языка. Значения, развитие которых происходило на основе элативно-эссивного параметра, свойственны только эгрессиву удмуртского языка, при этом эквивалентом ему в коми языках являются инессив и послелог *вылын* 'на': удм. *Соин тодматским Иж-ысен* [Ижевск-EGR], кз. *Сыкӧд тӧдмасим Ижкар-ын* [Ижевск-INESS] 'С ним мы познакомились в Ижевске'; удм. *Фронт-ысен* [фронт-EGR] *Мария партие пыриз*; кз. *Фронт вылын* [фронт на] *Марья пырис партияӧ* 'На фронте Мария вступила в партию'. Различия в семантике эгрессива коми и удмуртском языках обусловлены разной моделью образования его суффиксов: в формировании суффикса кз. кп. *-сянь* участвовал лативный суффикс ф.-у. **-n'*, в формировании суффикса удм. *-ысен* – локативный суффикс, восходящий к ф.-у. **-na / *-nā*.

Терминатив указывает на пространственный (кз. кп. *школаӧдз котӧртны*, удм. *школаозь бызьыны* 'бежать до школы') и темпоральный предел ситуации (кз. кп. *сёр рытӧдз уджавны*, удм. *бер жьытозь ужаны* 'работать до позднего вечера'), меру количества (кз. *Донъяс содӧсны дас процентӧдз*, кп. *Доннэз содӧсӧ дас процентӧдз*, удм. *Дунъёс йылызы дас процентозь*. 'Цены возросли до десяти процентов'. В коми-пермяцком языке он находится в отношении свободного варьирования с **альтитерминативом** при выражении значения вертикального предела (уровень глубины, высоты объекта по отношению к пространственному ориентиру): кп. *Пидзӧсви (~ ни-дзӧсӧдзыс) пырас муас богатырыс* 'По колено в землю провалится богатырь'.

Пролатив выражает значения траектории движения (кз. *вӧр туйӧд мунны*, кп. *вӧр туйӧт мунны*, удм. *нюлэс сюрестӧй мыныны*

‘идти по лесной дороге’, кз. *ӧшиньӧд пырны*, кп. *ӧшынӧт пырны*, удм. *ушноетӱ пырыны* ‘зайти в окно’) и точки приложения (кз. *бӧжӧдыс кыскыны*, кп. *бӧжӧтыс кыскыны*, *быжтӱз кыскыны* ‘тянуть за хвост’). В красноуфимском говоре общеудмуртский суффикс пролатива используется в функции элатива (круф. *шо карти льктиж*. ‘Он вернулся из города Красноуфимска’²¹), что явилось, скорее всего, следствием влияния контактных (марийского и тюркских) языков, в которых элативное и пролативное значения совмещены в одном показателе.

Аппроксиматив в удмуртском языке активно вытесняется послелогами *пала* ‘по направлению, в сторону’ и *пал* ‘к, под’. Общепермскими являются пространственное (кз. кп. *юлань котӧртны*, кп. удм. *шурлань* (~ *шур пала*) *бызьыны* ‘бежать в сторону реки’) и темпоральное значения (кз. *Карӧ воим рытланьыс*. ‘В город приехали под вечер’, удм. *Пилемьӧс жӧйтлань* (~ *жӧйт пал*) *бабыльскизы*. ‘Облака к вечеру сгрудились’), общекоми – сравнительное (кз. *Пиыс мамыслань мунӧ*, кп. *Зоныс вачкисьӧ мамыслань* ‘Сын похож на мать’) и заинтересованного лица (кз. *асланьыс кыскыны*, кп. *аслань керны* ‘настаивать на своем, гнуть в свою сторону’). В удорском диалекте аппроксиматив употребляется также в значении причины (уд. *Кӧдзыдлан'ыс йурӧ вис'мис*. ‘От холода разболелась голова’).

Большинство **приблизительно-местных падежей** имеют только пространственное и темпоральное значения (кз. *керкаланьын*, кп. *керкуланьын* ‘около дома’, *арланьын* ‘под осень’, кз. *керкаланьысь*, кп. *керкуланысь* ‘со стороны дома’ и др.). Точные границы распространения данных падежей в коми диалектном континууме не определены. В говоре с. Старая Ирга Граховского района (собственно южный диалект удмуртского языка) зафиксированы вариативные суффиксы аппроксиматива: *гурт-лан'*, *гурт-лан'ти*, *гурт-лан'ис'эн*, *гурт-лан'ис'*, *коркалан'*, *коркалан'ти*,²² которые соответствуют по форме суффиксам некоторых приблизительно-местных падежей:

Система пространственных падежей демонстрирует сложные процессы становления именного словоизменения в пермских языках. Она характеризуется значительным расширением состава в период прапермского языка. Формирование падежных суффиксов проходило

²¹ Пример по: Насибуллин Р. Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов. – С. 93.

²² Атаманов М. Г. Песни и сказы ушедших эпох = Эгра кырза, Эгра вера / М. Г. Атаманов. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – С. 175.

в результате переосмысления в падежный формант словообразовательного суффикса (элатив), конечной гласной основы (иллатив), слияния двух падежных формантов (эгрессив, пролатив), а также словообразовательного и падежного суффиксов (аппроксиматив, аллатив, аблатив, адессив). К прапермскому периоду относятся также расщепление падежа (локатива на инессив и инструменталь, аллатива на датив и консекутив), изменение парадигматического значения падежей (переход пространственных падежей в объектные (генитив < адессив; датив < аллатив; аблатив(-генитив) < аблатив).

В **Заключении** формулируются основные выводы и результаты диссертационного исследования:

1. Формирование падежей пермских языков протекало в течение продолжительного хронологического периода. В современных языках прослеживаются общие черты, сложившиеся в период прапермского языка и обособившие пермские языки от других финно-угорских языков, а также специфические черты, приобретенные в ходе самостоятельного развития языков и обособившие пермские языки друг от друга.

1.1. Общепермскими в синхронии являются 14 падежей, которые составляют основную часть парадигмы склонения в каждом из языков: номинатив, аккузатив, генитив, аблатив, датив, инструменталь, абессив, инессив, иллатив, элатив, эгрессив, аппроксиматив, пролатив, терминатив. В период прапермского языка эти падежи имели широкое распространение и составляли центр падежной системы. Их грамматический статус постепенно определялся между раннепрапермским и позднепрапермским периодами, который характеризовался процессом свертывания и изменением функциональной нагрузки отдельных падежей прафинно-пермского (-угорского) языка, а также формированием новых грамматических единиц. Адвербиаль, компаратив и консекутив, имеющие прапермские истоки, представлены только в отдельных пермских языках.

1.2. Большинство падежей в современных пермских языках морфологически самостоятельны. Падежные форманты сохраняют следующие прапермские черты: наличие двоякой огласовки (суффиксы инструментального, пролатива, варианты суффикса иллатива в удмуртском языке); отсутствие огубленных гласных (коми языки), наличие глухих согласных (удмуртский и коми-пермяцкий языки).

1.3. В пермских языках представлена сходная линейная модель субстантивной словоформы, которая была унаследована от прапермского языка: суффиксы пространственных падежей и инструменталя предшествуют посессивному суффиксу, суффиксы объектных падежей располагаются после посессивного суффикса. Колебание позиции падежных показателей, что особенно характерно для коми языков, скорее всего, имеет прапермские истоки, по крайней мере, колебание позиции суффикса аппроксиматива. К общепермскому языку восходит начало развития морфологически обусловленных алломорфов. Появление различных падежных суффиксов в числовых парадигмах, имеющее прапермские истоки, получило фрагментарное продолжение в удмуртском языке. Взаимодействие категорий падежа и посессивности проявилось в развитии противопоставления типов склонений, а также в формировании морфологического показателя посессивного склонения на основе суффикса илллатива-инессива.

1.4. Основные черты семантической структуры падежей сложились в прапермский период, последующие изменения были обусловлены ареальными, типологическими и генетическими факторами. Степень сходств и различий семантической структуры падежей между языками различна. Наибольшая семантическая устойчивость свойственна номинативу, аккузативу, генитиву, инессиву, илллативу, терминативу, пролативу.

2. Падежные системы пермских языков, наряду с общими чертами, имеют особенности, объединяющие только два родственных языка, и черты, присущие только одному из языков.

2.1. Падежные системы коми языков имеют следующие общие черты, отсутствующие в удмуртском языке: 1) наличие комитатива, консекутива, компаратива, приблизительно-местных падежей (показатели с коаффиксом *-лань-*); 2) сходство морфологического выражения падежей: суффикс эгрессива *-сянь*; суффикс терминатива с аффрикатой (*-ӧдз*); рефлексия прапермского гласного **ε* в виде *ӧ* в суффиксах; отсутствие огубленных гласных в составе падежных суффиксов (большинство коми диалектов); морфологически обусловленные суффиксы инструменталя, элатива, аблатива; 3) колебание позиции суффиксов эгрессива и абессива в линейной модели словоформы; 4) роль одушевленности как основного фактора, регулирующего выбор оформления имени в позиции прямого дополнения; 5) сходство семантико-функциональной характеристики большинства падежей, за

некоторыми исключениями; 6) развитие инструментальной формы именного сказуемого. Прямые параллели обнаруживают смежные коми-зырянские и северокоми-пермяцкие диалекты, в частности: 1) суффикс *-лӧ* датива в коми-пермяцком языке, лузско-летском и верхнесольском диалектах; 2) сходные типы алломорфов объединяют косинско-камский, мысовско-лупинский, верхневычегодский, лузско-летский (говоры сс. Объячево, Прокопьевка) диалекты и коми-язвинское наречие; 3) значение причины эгрессива в коми-пермяцком языке и южных коми-зырянских диалектах.

2.2. Коми-пермяцкая падежная система имеет ряд параллельных общих черт с удмуртской, которые не свойственны коми-зырянскому языку: 1) развитие падежей в результате агглютинации послелогов с основой кп. *дын-*, удм. *дӱнь-*; 2) сходство морфологического выражения падежей: а) суффикс пролатива только с глухим согласным: кп. *-ӧт*, удм. *-ытӱй*, *-этиӱ*, *-тиӱ*; б) палатализация согласного в суффиксе пролатива в ряде южных коми-пермяцких и севернудмуртских диалектов; в) суффикс терминатива с фрикативным согласным в удмуртском языке и верхнекамском наречии: удм. *-озь*, вк. *-ӧзь*; г) выпадение анлаутного согласного в суффиксах генитива, датива, аблатива, аппроксиматива в нижеиньвенском, кудымкарско-иньвенском диалектах и в некоторых средневосточных удмуртских говорах; 3) колебание позиции суффиксов терминатива, пролатива в линейной модели словоформы; 4) сходство семантики падежей: значения цели и причины действия датива; значение стимула эмоций (при глаголах 'бояться', 'испугаться', 'стесняться') аблатива; значение обменного эквивалента (стоимость) инструменталю и др.

2.3. Коми-зырянская падежная система имеет ряд параллельных черт с удмуртской, которые не свойственны коми-пермяцкому языку: показатель аккузатива кз. уд. *-дӧ*, *-ты*, удм. сев. *-ты*, показатель датива *-лы*, показатель элатива *-ысь*, значения элатива (исходная точка отсчета расстояния и исходная точка отсчета времени).

2.4. Специфические черты, присущие только для падежной системы коми-зырянского языка: 1) наличие эгрессива с суффиксом *-ысьӧдз* (ижемский, лузско-летский и удорский диалекты), социатива (удорский диалект); 2) структура суффиксов: звонкие согласные в суффиксах комитатива (*-кӧд*) и пролатива (*-ӧд*); двойное падежное выражение стандарта сравнения; 3) семантика падежей: отдельные зна-

чения датива (пространственно-посессивное значение), инструментал (значение субъекта каузируемого действия), консекутива (значение причины), комитатива (значение субъекта каузируемого действия), аппроксиматива (значение причины), некоторые непространственные значения иллатива, инессива, элатива, эгрессива.

2.5. Специфические черты, присущие только для падежной системы коми-пермяцкого языка: 1) развитие поверхностно-местных и приблизительно-местных падежей в результате агглютинации послелогов; 2) морфологическое выражение значения вертикального предела (*-ви*); 3) структура суффиксов: алломорфы, различающиеся качеством согласного в анлауте (оньк. *-ви/-ли*) и наличием одиночного/двойного согласного в анлауте CV(C) ~ CCV(C) (поверхностно-местные падежи в южных диалектах); 4) морфологически обусловленные суффиксы эгрессива, терминатива, пролатива; 5) семантика падежей: ряд непространственных значений эгрессива.

2.6. Специфику падежной системы удмуртского языка составляют следующие черты, отсутствующие в коми языках: 1) наличие адвербиала, посессивно-местных падежей (отдельные северные диалекты и бесермянское наречие); 2) структура суффиксов: суффикс терминатива с лабиальным гласным (*-озь*); суффиксы с коаффиксом *-ла* (с отворшудными топонимами); вариативные суффиксы аккузатива, инструментал, пролатива, иллатива; алломорфы генитива, аблатива, датива с анлаутным *н* в шошминском и буйско-таньпском говорах; морфологически обусловленные суффиксы элатива, инструментал; эгрессива, терминатива; 4) семантика падежей: пространственные и некоторые непространственные значения датива, аблатива; семантика пролативного/элативного суффикса *-ti*; 5) роль референциального статуса как основного фактора, регулирующего выбор оформления прямого дополнения.

3. В развитии пермских языков немаловажную роль сыграли разновременные контакты с родственными и неродственными языками, влияние которых сказалось в большей степени на употреблении падежей, что проявляется в калькировании моделей управления глагола, перераспределении значений между падежами, а также между падежами и послелогоми, консервирующем воздействии на употребление падежей. Структура падежных форм подвержена внешним воздействиям в меньшей степени. Изменения в суффиксах связаны в ос-

новном с влиянием на фонетическом уровне, в частности, с изменением артикуляционно-акустического качества и дистрибуции фонем, с развитием гармонии гласных.

3.1. Удмуртский язык имеет ряд общих черт с марийским и тюркскими языками, которые могли сохраниться/сложиться в ходе их исторического развития в составе Волго-Камского языкового союза: 1) двойное падежное маркирование; 2) оформление показателем инструменталю компонентов сочиненной группы; 3) совмещенное выражение пролатива и элатива в одном показателе (в красноуфимском говоре); 4) совмещенное выражение комитативного и инструментального значений в одном показателе; 5) некоторые семантико-синтаксические функции датива (значения причины, цели, времени, обменного эквивалента, предназначения), инструменталю (значение материала, причины), аблатива (исходного посессора, стимула эмоций, стандарта сравнения). В падежных суффиксах получили отражение фонетические процессы, протекавшие в удмуртских диалектах под влиянием контактных языков: замена свистящих согласных *з* и *с* шипящими *ж* и *ш*, шепелявых согласных (*с'* и *з'*) свистящими (*с''* и *з''*) (в красноуфимском говоре) и развитие гармонии гласных (в татышлинском говоре).

3.2. Русское влияние на падежную систему коми языков обнаруживается в следующих случаях: 1) дифференцированное выражение исходного посессора в зависимости от активности/пассивности субъекта действия; 2) развитие инструментальной формы именного сказуемого; 3) сокращение функциональной нагрузки внутреннеместных падежей и их замещение послелогоми; 4) вытеснение генитива дативом при оформлении семантического субъекта при модальных и возвратных глаголах; 5) расширение дистрибуции комитатива. Параллельные явления представлены в коми языке и в севернорусских говорах, в частности, вокативный суффикс *-о*, выражение значений содержания игры (кз. элатив, севрус. предлог *из*), временного посессора (кз. инессив, севрус. предлог *в*) и др.

3.3. Отдельные черты, характерные только для коми-зырянского языка, особенно для удорского диалекта, находят параллели в прибалтийско-финских языках: некоторые значения инессива (объектное значение), иллатива (объектно-целевое значение), элатива (значение объекта обмена (стоимость), оформление прямого объекта), падежное оформление предиката сентенциального актанта.

4. Редкими, в некоторых случаях уникальными, на фоне финно-угорских языков являются следующие черты пермских языков: 1) наличие посессивно-местных (удмуртский язык) и приблизительно-местных падежей (коми языки); 2) морфологическое выражение значения вертикального предела (коми-пермяцкий язык), значения собирательности (удорский диалект); 3) дифференцированное оформление зависимого в именной группе при переходных и непереходных глаголах; 4) дативное оформление имени в позиции прямого дополнения (пермские языки) и грамматического подлежащего (коми-зырянские диалекты); 5) аспектуальные свойства эгрессива (удмуртский язык); 6) роль одушевленности как основного фактора, регулирующего выбор оформления имени в позиции прямого дополнения (коми языки); 7) функционально-семантические особенности падежей: употребление комитатива и инструменталю в значении субъекта каузируемого действия (коми-зырянские диалекты), аппроксиматива в значении причины (удорский диалект), элатива в значении темы (содержание игры), эгрессива в значении объекта защиты (удорский диалект) и др.

**Основные положения диссертационного исследования
отражены в следующих публикациях:**

**Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях,
включенных в реестр ВАК РФ**

1. Некрасова Г. А. К вопросу о лингвистической терминологии в финно-угорских языках (на основе анализа названий падежей) [Текст] / Г. А. Некрасова // Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург, 2009. – № 3 (65). – С. 100–108. (0,55 п. л.)

2. Некрасова Г. А. Средства выражения инструмента в финно-угорских языках [Текст] / Г. А. Некрасова // Известия Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2011. – № 4 (8). – С. 85–88. (0,48 п. л.)

3. Некрасова Г. А. К генезису частей речи в пермских языках: прилагательное [Текст] / Г. А. Некрасова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – СПб., 2011. – Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. № 2. – С. 173–178. (0,34 п. л.)

4. Некрасова Г. А. Средства выражения делибератива в пермских языках [Текст] / Г. А. Некрасова // Вестник Воронежского ун-та. – Воронеж, 2012. – Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. – С. 147–150. (0,45 п. л.)

5. Некрасова Г. А. Особенности функционирования аккузатива в языке коми [Текст] / Г. А. Некрасова // Урало-алтайские исследования. – М., 2012. – № 1 (6) – С. 106–116. (1 п. л.)

6. Некрасова Г. А. Факторы вариативности позиции морфем в морфологической структуре слова (на материале коми диалектов) [Текст] / Г. А. Некрасова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – СПб., 2012. – Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. № 3. – С. 150–158. (0,65 п. л.)

7. Некрасова Г. А. Семантика падежа: проблемы интерпретации (на материале коми диалектов) [Текст] / Г. А. Некрасова // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2012. – № 4 (33). – С. 125–129. (0,5 п. л.)

8. Некрасова Г. А. Вариативность аргументной структуры двухместных предикатов в коми-пермяцком языке [Текст] / Г. А. Некрасова, Е. Н. Сергеева // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н. Н. Казанский. – СПб.: Наука, 2014. – Т. X. Ч. 1: Colloquia Classica et Indo-Germanica – VI. Памяти Л. Г. Герценберга. – С. 810–820. (0,49 п. л.)

9. Некрасова Г. А. Конкуренция иллатива и послелогов в коми-пермяцком языке [Текст] / Г. А. Некрасова // Известия Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2015. – № 1. – С. 95–100. (0,49 п. л.)

10. Некрасова Г. А. Некоторые особенности функционирования аккузатива в пермских языках [Текст] / Г. А. Некрасова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н. Н. Казанский. – СПб.: Наука, 2015. – Т. XI. Ч. 2: Языковое разнообразие в Российской Федерации. – С. 321–336. (0,68 п. л.)

11. Некрасова Г. А. Конкуренция в семантической зоне инструмента в коми-пермяцком языке [Текст] / Г. А. Некрасова // Вестник Воронежского гос. университета. – Воронеж, 2016. – Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация, № 1. – С. 59–63. (0,48 п. л.)

12. Некрасова Г. А. Периферийные языковые единицы в коми-пермяцком языке [Текст] / Г. А. Некрасова // Вестник угроведения. – Ханты-Мансийск, 2016. – № 1 (24). – С. 44–49. (0,53 п. л.)

13. Некрасова Г. А. Конкуренция грамматических форм в семантической зоне адвербиала в удмуртском языке [Текст] / Г. А. Некрасова // Вестник угроведения. – Ханты-Мансийск, 2016. – № 3 (26). – С. 59–68. (0,75 п. л.)

14. Некрасова Г. А. Изменения в падежной системе коми-пермяцкого языка XIX–XX вв. (по материалам письменных источников) [Текст] / Г. А. Некрасова // Ежегодник финно-угорских исследований. – Ижевск, 2016. – Т. 10. Вып. 3. – С. 7–16. (0,65 п. л.)

15. Некрасова Г. А. Конкуренция грамматических форм в семантической зоне эгрессива в коми-пермяцком языке [Текст] / Г. А. Некрасова // Вестник Удмуртского университета. – Ижевск, 2018. – Сер. 5: История и филология. № 2 (26). – С. 59–68. (0,8 п. л.)

16. Некрасова Г. А. Варьирование падежных суффиксов в современном удмуртском языке [Текст] / Г. А. Некрасова // Ежегодник финно-угорских исследований. – Ижевск, 2020. – Т. 12. Вып. 1. – С. 25–32. (0,8 п. л.)

17. Некрасова Г. А. Конкуренция иллотива и послелогов в коми-зырянском языке [Текст] / Г. А. Некрасова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Е. В. Головкин. – СПб.: ИЛИ РАН, 2020. – Т. XVI. Ч. 3. – С. 377–406. (1,17 п. л.)

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр Web of Science и SCOPUS:

18. Некрасова Г. [А.] Фонетическая структура слова и типы падежных алломорфов в коми языке [Текст] / Г. А. Некрасова // Linguistica Uralica. – Tallinn, 2009. – Т. XL, № 1. – С. 9–22. (0,8 п. л.) (Web of Science; SCOPUS)

19. Некрасова Г. [А.] Средства выражения инструмента в коми диалектах [Текст] / Г. А. Некрасова // Linguistica Uralica. – Tallinn, 2010. – Т. XLVI, № 3. – С. 185–194. (0,45 п. л.) (Web of Science; SCOPUS)

20. Некрасова Г. [А.] Вокатив или посессивный суффикс: к интерпретации средств выражения вокативности в коми языке [Текст] / Г. А. Некрасова // Linguistica Uralica. – Tallinn, 2011. – Т. XLVII, № 2. – С. 120–129. (0,7 п. л.) (Web of Science; SCOPUS)

21. Некрасова Г. [А.] Деривационные отношения инессивной словоформы в коми-пермяцком языке [Текст] / Г. А. Некрасова // Linguistica Uralica. – Tallinn, 2012. – Т. XLVIII, № 2. – С. 111–119. (0,6 п. л.) (Web of Science)

22. Некрасова Г. [А.] Альтитерминатив в падежной системе коми-пермяцкого языка [Текст] / Г. А. Некрасова // Linguistica Uralica. – Tallinn, 2015. – Т. LI, № 3. – С. 202–211. (0,7 п. л.) (SCOPUS)

23. Некрасова Г. [А.] Вариативность оформления актанта глагола ‘бояться’ в коми-пермяцком языке [Текст] / Г. А. Некрасова // Linguistica Uralica. – Tallinn, 2016. – Т. LII, № 2. – С. 103–110. (0,45 п. л.) (SCOPUS)

24. Некрасова Г. [А.] Эллиптические конструкции и двойное падежное маркирование в удмуртском языке [Текст] / Г. А. Некрасова // *Linguistica Uralica*. – Tallinn, 2018. – Т. LIV, № 4. – С. 286–295. (0,74 п. л.) (SCOPUS)

Монографии

25. Некрасова Г. А. Коми кывлӧн историческӧй фонетика (Историческая фонетика коми языка) [Текст] / Г. А. Некрасова. – Сыктывкар, 2000. – 168 с. (10 п. л.)

26. Некрасова Г. А. Ёñя коми кыв. Морфология (Современный коми язык. Морфология) [Текст] / В. М. Лудыкова, Г. А. Некрасова, Э. Н. Попова, Г. В. Федонёва, Е. А. Цыпанов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. – 544 с. (34 п. л.)

27. Некрасова Г. А. Система *L*-овых падежей в пермских языках. Происхождение и семантика [Текст] / Г. А. Некрасова. – Сыктывкар, 2002. – 168 с. (10 п. л.)

28. Некрасова Г. А. Структура слова и выбор падежного алломорфа в пермских языках [Электронный ресурс] / Г. А. Некрасова. – М: ВНИИЦ, 2006. – 122 с. (№ 50200602059). (6,5 п. л.)

29. Некрасова Г. А. Падежи социативности в пермских языках [Электронный ресурс] / Г. А. Некрасова. – М: ВНИИЦ, 2006. – 51 с. (№ 50200602058) (3 п. л.)

Препринты

30. Некрасова Г. А. Функциональная модель местных падежей коми языка [Текст] / Г. А. Некрасова. – Сыктывкар, 1989. – Сер. «Научные доклады» / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 210. – 12 с. (0,75 п. л.)

31. Некрасова Г. А. Функциональное развитие присубстантивного генитива в финно-пермских языках [Текст] / Г. А. Некрасова. – Сыктывкар, 1995. – Сер. «Научные доклады» / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 363. – 21с. (1,5 п. л.)

32. Некрасова Г. А. Инструменталь (творительный падеж) в пермских языках [Текст] / Г. А. Некрасова. – Сыктывкар, 1997. – Сер. «Научные доклады» / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 388. – 40 с. (2,5 п. л.)

Публикации в зарубежных изданиях

33. Nekrassova G. Bemerkungen zur Semantik des Genitivs in den finnisch-permischen Sprachen [Текст] / G. Nekrassova // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum*, Jyväskylä, 10.–15.8.1995. – Jyväskylä,

1995. – P. II. Summaria acroasium in sectionibus et symposiis factarum. – S. 84. (0,1 п. л.)

34. Некрасова Г. А. Семантическая структура присубстантивного генитива в финно-пермских языках [Текст] / Г. А. Некрасова // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum*, Jyväskylä, 10.–15.8.1995. – Jyväskylä, 1996. – P. III. Sessiones sectionum: Phonologia & Morphologia. – С. 166–169. (0,2 п. л.)

35. Nekrassova G. Grammatical pleonasm in the Komi language [Текст] / G. Nekrassova // *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum*, Tartu, 7.–13.8.2000. – Tartu, 2000. – Pars II. Linguistica. – S. 192. (0,13 п. л.)

36. Некрасова Г. А. Грамматический плеоназм в коми языке [Текст] / Г. А. Некрасова // *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Tartu, 7.–13.8.2000. – Tartu, 2001. – Pars V. Dissertationas sectionum: Linguistica II. – С. 431–435. (0,3 п. л.)

37. Некрасова Г. А. Основные тенденции развития падежной системы в пермских языках [Текст] / Г. А. Некрасова // *Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum*. Piliscsaba, 9–14.VIII.2010. – Piliscsaba, 2010. – Pars II. Summaria acroasium in sectionibus. – С. 132–133. (0,1 п. л.)

38. Nekrasova G. [A.] Interchange of cases and postpositions in the Permian languages [Текст] / G. Nekrassova // *Congressus Duodecimus Internationalis Fenno-Ugristarum*, Oulu, 17–21.8.2015. Book of Abstracts. – Oulu: University of Oulu, 2015. – С. 124–125. (0,1 п. л.)

39. Nekrasova G. [A.] The Komi answer to the essive question [Текст] / M. Leinonen, G. Nekrassova // *Uralic Essive and the Expression of Impermanent State*. – Amsterdam: John Benjamins, 2017. – Pp. 283–307. DOI 10.1075/tsl.119.12 lei. (1 п. л.)

Публикации в других изданиях

40. Некрасова Г. А. О падежах на -лань(-) в коми языке [Текст] / Г. А. Некрасова // *Fenno-Ugristica 12: Труды по финно-угроведению / Уч. зап. Тартуского гос. ун-та*, Вып. 690. – Тарту: Изд-во ТГУ, 1985. – С. 147–154. (0,5 п. л.)

41. Некрасова Г. А. К истории изучения l-овых падежей в коми языке [Текст] / Г. А. Некрасова // *Fenno-Ugristica 13: Труды по финно-угроведению / Уч. зап. Тартуского ун-та*, Вып. 727. – Тарту: Изд-во ТГУ, 1986. – С. 105–116. (0,8 п. л.)

42. Некрасова Г. А. Модификации пространственного значения аппроксиматива в современном коми языке [Текст] / Г. А. Некрасова // *Noored filoloogias 1986:1*. – Tallinn, 1986. – С. 24–25. (0,1 п. л.)

43. Некрасова Г. А. Место конзекутива в реляционном поле финальности/каузальности коми языка [Текст] / Г. А. Некрасова // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1986. – Т. XXII. № 2. – С. 122–127. (0,5 п. л.)

44. Некрасова Г. А. К проблеме семантики пермских падежных коаффиксов [Текст] / Г. А. Некрасова // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1987. – Т. XXIII. № 1. – С. 28–33. (0,5 п. л.)

45. Некрасова Г. А. Взаимосвязь средств выражения локальных и possessивных отношений (на материале л-овых падежей коми языка) [Текст] / Г. А. Некрасова // Fenno-Ugristica 14: Труды по финно-угроведению / Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, Вып. 776. – Тарту: Изд-во ТГУ, 1987. – С. 78–86. (0,45 п. л.)

46. Некрасова Г. А. Аллатив места в пермских языках [Текст] / Г. А. Некрасова [Текст] / Г. А. Некрасова // Пермистика [1]: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1987. – С. 108–113. (0,3 п. л.)

47. Некрасова Г. А. К типологии функций пермского аблатива [Текст] / Г. А. Некрасова // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция: тез. докл. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР, Удмурт. гос. ун-т. – Устинов, 1987. – Т. I: Языкознание. – С. 161–162. (0,2 п. л.)

48. Некрасова Г. А. Опыт описания семантико-синтаксических функций аблатива в пермских языках [Текст] / Г. А. Некрасова // Fenno-Ugristica 15: Труды по финно-угроведению / Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. – Тарту: Изд-во ТГУ, 1989. – Вып. 860. – С. 107–111. (0,5 п. л.)

49. Некрасова Г. А. Функциональные корреляции в системе л-овых падежей коми языка [Текст] / Г. А. Некрасова // Fenno-Ugristica 16: Труды по финно-угроведению / Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. – Тарту: Изд-во ТГУ, 1990. – Вып. 876. – С. 94–103. (0,6 п. л.)

50. Некрасова Г. А. К типологии функций пермского аблатива / Г. А. Некрасова // Вопросы грамматики и контактирования языков: сб. ст. / АН СССР, УрО, Удм. ин-т истории, яз. и лит. – Ижевск, 1990. – С. 70–79. (0,3 п. л.)

51. Некрасова Г. А. К проблеме возникновения вторичных падежных суффиксов в современном коми языке [Текст] / Г. А. Некрасова // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов / АН СССР, УрО, КНЦ, Ин-т яз., лит. и истории. – М.: Наука, 1990. – Т. 2: Языкознание. – С. 138–140. (0,25 п. л.)

52. Некрасова Г. А. Вклад Ю. Вихмана в изучение падежной системы коми языка [Текст] / Г. А. Некрасова // Пермистика-2: Вихманн и

пермская филология: сб. ст. / АН СССР, УрО, Удм. ин-т истории, яз. и лит. / Отв. ред. В. К. Кельмаков. – Ижевск, 1991. – С. 77–82. (0,3 п. л.)

53. *Некрасова Г. А.* Функционирование приименного генитива и номинатива в современном коми языке [Текст] / Г. А. Некрасова // Материалы Всероссийской науч. конф. «Проблемы развития литературных языков финно-угорских народов», 7–8 апреля 1993 г.: тез. докл. – Ижевск, 1993. – С. 29. (0,1 п. л.)

54. *Некрасова Г. А.* Семантическая структура аппроксиматива в пермских языках [Текст] / Г. А. Некрасова // Грамматика и лексикология коми языка / Труды ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 1995. – Вып. 58. – С. 36–47. (0,5 п. л.)

55. *Некрасова Г. А.* Развитие генитива в пермских языках [Текст] / Г. А. Некрасова // Узловые проблемы современного финно-угроведения: Материалы I Всероссийской науч. конф. финно-угроведов. – Йошкар-Ола: Науч. центр финно-угроведения, 1995. – С. 375–379. (0,2 п. л.)

56. *Некрасова Г. А.* Семантическая структура приименного генитива в пермских языках [Текст] / Г. А. Некрасова // Лексика и грамматика финно-угорских языков. Межвузовск. сб. науч. трудов. – Саранск, 1996. – С. 96–102. (0,3 п. л.)

57. *Некрасова Г. А.* Особенности падежной системы коми-зырянского языка [Текст] / Г. А. Некрасова // Финно-угорские народы: проблемы этнической и языковой идентификации. – Сыктывкар, 1999. – С. 60–61. (0,2 п. л.)

58. *Некрасова Г. А.* Кывбөръясын грамматика формаяслён паныдасълём [Текст] / Г. А. Некрасова // Материалы республиканской науч.-практ. конф. «Развитие коми языка на современном этапе: проблемы и перспективы». – Сыктывкар, 2000. – С. 133–136. (0,2 п. л.)

59. *Некрасова Г. А.* Деаффрикация в диалектах современного коми-зырянского языка [Текст] / Г. А. Некрасова // Финно-угристика на пороге III тысячелетия. Материалы II Всероссийской науч. конф. финно-угроведов. – Саранск, 2000. – С. 235–237. (0,2 п. л.)

60. *Некрасова Г. А.* Коми кывйын кык вежлөг формалён өттшөтш паныдасълём [Текст] / Г. А. Некрасова // Коми слово в грамматике и в словаре / Труды ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2000. – Вып. 62. – С. 30–41. (0,8 п. л.)

61. *Некрасова Г. А.* Функционирование прапермских аффрикат в современных коми диалектах [Текст] / Г. А. Некрасова // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов. – Ижевск, 2000. – С. 135–139. (0,3 п. л.)

62. Некрасова Г. А. К вопросу о статусе вариативных форм эгрессива и инструменталю в диалектах коми-зырянского языка [Текст] / Г. А. Некрасова // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. / Сыктывкар. гос. ун-т, Каф. коми и финно-угор. языкознания. – Сыктывкар, 2001. – С. 197–203. (0,36 п. л.)

63. Некрасова Г. А. Семантико-синтаксические функции датива в пермских языках [Текст] / Г. А. Некрасова // Пермистика 5: сб. ст. / Удм. гос. ун-т. – Ижевск: Удм. ун-т, 2002. – С. 170–191. (1 п. л.)

64. Некрасова Г. А. Выражение объектно-целевых отношений в пермских языках (в сопоставлении с русским) [Текст] / Г. А. Некрасова // Русский язык и культура Северного Предуралья: материалы науч. конф. – Сыктывкар: КГПИ, 2002. – С. 41–45. (0,27 п. л.)

65. Некрасова Г. А. Некоторые особенности функционирования падежей в коми-пермяцком языке [Текст] / Г. А. Некрасова // Коми-зырянская культура XX века и финно-угорский мир: сб. ст. – Сыктывкар: Изд-во СГУ, 2002. – С. 142–149. (0,2 п. л.)

66. Некрасова Г. А. Употребление падежей в переводах Евангелия на коми язык [Текст] / Г. А. Некрасова // Перевод Библии в литературах народов России, стран СНГ и Балтии: материалы междунаро. конф. (2–3 декабря 1999 г., Москва). – М.: 2003. – С. 261–271. (0, 6 п. л.)

67. Некрасова Г. А. Некоторые функциональные корреляции падежей с элементом с' в пермских языках [Текст] / Г. А. Некрасова // Актуальные проблемы финно-угроведения: материалы регион. науч.-практ. конф. 22–23 апреля. 2004 г. – Бирск: Бирск. гос. пед. ин-т, 2004. – Ч. 1. – С. 99–104. (0,3 п. л.)

68. Некрасова Г. А. Перым сёрнисикасьясын вежлӧг формяс [Текст] / Г. А. Некрасова // Вопросы коми диалектологии / Труды ИЯЛИ КНЦ УрО РАН; / Отв. ред. Г. В. Федюнова. – Сыктывкар, 2004. – Вып. 65. – С. 85–103. (1 п. л.)

69. Некрасова Г. А. Основные линии развития семантической структуры падежей в пермских языках [Текст] / Г. А. Некрасова // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: материалы III Всероссийской науч. конф. финно-угроведов. – Сыктывкар, 2005. – С. 157–160. (0,3 п. л.)

70. Некрасова Г. А. Типология выражения объектно-целевых отношений (на материале финно-угорских и русского языков) [Текст] / Г. А. Некрасова // Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum, Jshkar-Ola, 15.08–21.08.2005. – Jshkar-Ola, 2005. – P. 2: Linguistica: Summaria acroasium in sectionibus. – С. 114–115. (0,2 п. л.)

71. Некрасова Г. А. Влияние русского языка на синтагматику падежей коми-пермяцкого языка [Текст] / Г. А. Некрасова // Коми-пермяки и финно-угорский мир: материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Кудымкар: Алекс-Принт, 2005. – С. 198–201. (0,2 п. л.)

72. Некрасова Г. А. Проявление одушевленности-неодушевленности в системе склонения коми языка [Текст] / Г. А. Некрасова // Материалы XXXIII Международной филологической конф., 13–18 марта 2006 г. Уралистика. В 2-х ч. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – Ч. 2. – С. 16–19. (0,2 п. л.)

73. Некрасова Г. А. Функционирование комитатива в коми диалектах [Текст] / Г. А. Некрасова // Вопросы коми филологии: материалы науч. тр. финно-угорского ф-та СГУ. – Сыктывкар: Изд. СГУ, 2005. – С. 59–67. (0,36 п. л.)

74. Некрасова Г. А. Развитие падежной синонимии в пермских языках [Текст] / Г. А. Некрасова // III международная науч. конф. «Язык и культура»: тез. докл. – М., 2005. – С. 23–25. (0,2 п. л.)

75. Некрасова Г. А. Фонетическая структура слова и выбор падежного алломорфа в коми-пермяцких диалектах [Текст] / Г. А. Некрасова // Вопросы коми филологии: сб. ст. – Сыктывкар: Изд-во СГУ, 2006. – С. 51–55. (0,3 п. л.)

76. Некрасова Г. А. Взаимосвязь падежа и числа в системе substantiveного склонения в пермских языках [Текст] / Г. А. Некрасова // Вестник Югорского гос. ун-та. – Ханты-Мансийск, 2006. – Вып. 2. – С. 87–91. (0,45 п. л.)

77. Некрасова Г. А. К вопросу о дефектных парадигмах существительных в пермских языках [Текст] / Г. А. Некрасова // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: материалы XI Междунар. симп. (30–31 марта 2006 г., Пермь) / Перм. гос. пед. ун-т, Ин-т яз., истории и традиц. культуры коми-пермяц. народа. – Пермь, 2006. – С. 225–233. (0,5 п. л.)

78. Некрасова Г. А. Междиалектные корреспонденции согласных в структуре падежных суффиксов пермских языков [Текст] / Г. А. Некрасова // Материалы XXXV Международной филологической конф., 13–18 марта 2006 г. Уралистика. В 2-х ч. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. – Ч. 2. – С. 19–22. (0,2 п. л.)

79. Некрасова Г. А. Функциональная система объектных падежей в пермских и марийском языках [Текст] / Г. А. Некрасова // Башкортостан и Марий Эл: исторический опыт и перспективы сотрудничества. – Йошкар-Ола-Бирск, 2007. – С. 102–107. (0,25 п. л.)

80. Некрасова Г. А. Функциональная система объектных падежей в пермских языках [Текст] / Г. А. Некрасова // Материалы XXXVI Международной филологической конф., 12–17 марта 2007 г. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – Уралистика. Вып. 9. – С. 81–84. (0,25 п. л.)

81. Некрасова Г. А. Взаимосвязь падежа и притяжательности в системе субстантивного склонения в финно-пермских языках [Текст] / Г. А. Некрасова // Конференция по уральским языкам, посвящ. 100-летию К. Е. Майтинской. Тезисы. – М., 2007. – С. 170–173. (0,2 п. л.)

82. Некрасова Г. А. Вариативность падежных морфем в пермских языках [Текст] / Г. А. Некрасова // Конференция по уральским языкам, посвящ. 100-летию К. Е. Майтинской. Тезисы. – М., 2007. – С. 166–169. (0,2 п. л.)

83. Некрасова Г. А. Типология выражения объектно-целевых отношений (на материале финно-угорских и русского языков) [Текст] / Г. А. Некрасова // Материалы X Международного конгресса финно-угроведов. 15.08–21.08.2005, Йошкар-Ола. – Йошкар-Ола, 2008. – Лингвистика. Ч. V. – С. 130–137. (0,5 п. л.)

84. Некрасова Г. А. Семантическая структура иллатива в пермских языках [Текст] / Г. А. Некрасова // Вопросы коми филологии: сб. науч. ст.– Сыктывкар, 2009. – Вып. 5. – С. 48–58. (0,4 п. л.)

85. Некрасова Г. А. Структура слова и выбор падежного алломорфа в удмуртских диалектах [Текст] / Г. А. Некрасова // Вопросы уралистики 2009. – СПб.: Наука, 2009. – С. 430–447. (1 п. л.)

86. Некрасова Г. А. Типы падежных алломорфов в пермских языках [Текст] / Г. А. Некрасова // IV Международные Бодуэновские чтения. Труды и материалы. – Казань: Казанский гос. ун-т, 2009. – Т. 2. – С. 55–56. (0,3 п. л.)

87. Некрасова Г. А. Семантическая структура пролатива в пермских языках [Текст] / Г. А. Некрасова // Динамические процессы в системах пермских языков / Труды ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2011. – Вып. 68. – С. 42–51 (0,7 п. л.)

88. Некрасова Г. А. Приблизительно-местный, приблизительный инессив или же жилищно-местный? (о названиях падежей послеложного образования удмуртского языка) [Текст] / Г. А. Некрасова // Финно-угроведение. – Йошкар-Ола, 2012. – № 1. – С. 3–10. (0,5 п. л.)

89. Некрасова Г. А. Неканоническое маркирование актантов двухместных предикатов в коми-пермяцком языке [Текст] / Г. А. Некрасова, Е. Н. Сергеева // Вопросы пермской диалектологии: традиции и перспективы: сб. ст. – Сыктывкар, 2013. – С. 109–116. (0,3 п. л.)

90. Некрасова Г. А. Еще раз к вопросу о происхождении компаратива в коми языке [Текст] / Г. А. Некрасова // Вопросы уралоистики 2014. Научный альманах. – СПб: Нестор-История, 2014. – С. 474–484. (0,5 п. л.)

91. Некрасова Г. А. Взаимодействие категорий падежа и посессивности в системе субстантивного склонения пермских языков [Текст] / Г. А. Некрасова // Пути развития пермских языков: история и современность / Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2014. – Вып. 73. – С. 100–122. (1,38 п. л.)

92. Некрасова Г. А. Конкуренция аккузатива и инструменталю в пермских языках [Текст] / Г. А. Некрасова // Вопросы финно-угорской филологии: межвузовский сб. науч. тр. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. П. Сорокина, 2015. – Вып. 6 (11). – С. 59–64. (0,3 п. л.)

93. Некрасова Г. А. Адвербиаль как средство выражения пространственных отношений в удмуртском языке [Текст] / Г. А. Некрасова // Вопросы финно-угорской филологии: межвузовский сб. науч. тр. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. П. Сорокина, 2016. – Вып. 7 (12). – С. 82–87. (0,3 п. л.)

94. Некрасова Г. А. Аппроксиматив и приблизительно-местные падежи коми языка в зеркале количественных показателей [Текст] / Г. А. Некрасова // Пермистика XVI. Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. П. Сорокина, 2017. – С. 182–189. (0,3 п. л.)

95. Некрасова Г. А. Маркирование актантов двухместных предикатов в кудымкарско-иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка [Текст] / Г. А. Некрасова, Е. Н. Сергеева // Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках / Отв. ред. С. С. Сай. – СПб.: ИЛИ РАН, 2018. – С. 354–375. (0,94 п. л.)

96. Некрасова Г. А. Конкуренция пролативных суффиксов в коми языке: опыт корпусного исследования [Текст] / Г. А. Некрасова // Актуальные вопросы коми и пермского языкознания / Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2019. – Вып. 77. – С. 53–63 (0,57 п. л.)

97. Некрасова Г. А. Именные причинные конструкции в коми языке // Причинные конструкции в языках мира (синхрония, диахрония, типология. Материалы междунар. конф. (Санкт-Петербург, 28–30 января 2021 г.) / Сост. Н. М. Заика. – СПб.: ИЛИ РАН, 2020. – С. 119–121.

Сокращения

Языки: кз. – коми-зырянский, кп. – коми-пермяцкий, лит. – литературный, мр. – марийский, тат. – татарский, удм. – удмуртский, ф. – финский.

Коми-зырянские диалекты: вв. – верхневычегодский, вс. – верхнесысольский, иж. – ижемский, лл. – лузско-летский, нв. – нижневычегодский, скр. – присыктывкарский, сс. – среднесысольский, уд. – удорский.

Коми-пермяцкие диалекты и наречия: вк. – верхнекамское, ки. – кудымкарско-иньвенский, кк. – косинско-камский, кя. – коми-язьвинское наречие, мл. – мысовско-лупьинский, нерд. – нердвинский, ни. – нижеиньвенский, онк. – оньковский.

Удмуртские диалекты: бес. – бесермянское наречие; канл. – канлинский говор, кукм. – кукморский говор, нч. – нижнечепецкий диалект, сев. – северная диалектная зона, сред. – срединные говоры, сч. – среднечепецкий диалект, татыш. – татышлинский говор, шошм. – шошминский говор, южн. – южная диалектная зона.

севрус. – севернорусские говоры.

Глоссы: 3 – лицо, ABL – аблатив, COM – комитатив, COMP – компаратив, GEN – генитив, DAT – датив, EGR – эгрессив, EL – элатив, ILL – иллатив, INSTR – инструменталь, PL – множественное число, POSS – possessивность, SG – единственное число, TERM – терминатив.